

Экс-любовники

Автор:

Алайна Салах

Экс-любовники

Алайна Салах

С юмором о важном #4

«- А подождать это не могло? - ною я, быстро переставляя каблуки в попытке успеть за Полиной. - За седьмым столом опять кретин на «Порше» возмущается, что ему стейк переперчили, а ещё мне нужно рубашку застирать...»

Алайна Салах

Экс-любовники

1

- А подождать это не могло? - ною я, быстро переставляя каблуки в попытке успеть за Полиной. - За седьмым столом опять кретин на «Порше» возмущается, что ему стейк переперчили, а ещё мне нужно рубашку застирать...

Поля резко останавливается, так что я едва не врезаюсь ей в спину и, пробежавшись взглядом по коричневому пятну, формой напоминающему кляксу на черепае Президента СССР, по-хозяйски берётся за мой бейджик.

– Времени переодеваться нет, – поясняет она, отстёгивая его. – Глеб Андреич сказал свистать всех наверх как можно быстрее. Слухи, что нас продали, оказались не слухами. Сейчас будем по команде подавать лапу новому владельцу.

Справа под рёбрами неприятно сжимается. Наш «Роден» продали? Ну вот чего я несчастливая такая? Работал ресторан успешно целых восемь лет, но стоило мне устроиться на должность управляющей, как его сразу продают.

– Я не хочу по команде подавать лапу, – говорю я, следя, как Полина перемещает бейджик аккуратно на кофейную кляксу.

– А придётся первое время. Новое руководство всегда поначалу пытается в дела лезть. Ну всё, теперь порядок. Идём.

И мы, как две голодные гончие, вновь прибавляем скорость. Но даже стук каблуков – моих скромных четырёхсантиметровых и Полининых стриптизёрских – не способен заглушить гул невесёлых мыслей. Я не хочу терять эту работу. В «Родене» мне всё нравится: месторасположение, коллектив, обстановка и, конечно, моя руководящая должность... С некоторыми клиентами я успела подружиться, и зарплата меня устраивает. И с Ворониным, генеральным, мы сразу нашли общий язык.

Тяжесть в правом боку усиливается, и мне приходится его потереть. Вот ведь разнервничалась. Ну или новый десерт, разработанный шеф-кондитером, действительно слишком жирный.

За длинным прямоугольным столом уже собрался основной персонал: бухгалтер, шеф-повар и шеф-кондитер, бар-менеджер и администратор сегодняшней смены Виктор. Сам Воронин, как и обычно, сидит во главе своих подданных с одновременно грустным и торжественным видом. С таким же лицом папа выдавал мою старшую сестру замуж. Эх, нас точно продают.

– Присаживайтесь, девочки, – покровительственным тоном распоряжается он, указывая на два свободных кресла.

Мы с Полиной рассаживаемся, незаметно переглядываемся с остальными, мол, чего-нибудь важное не пропустили? Но пропустили или нет, по их каменным

лицам так сразу и не поймёшь.

– Итак, – продолжает Глеб Андреевич. – Многие уже знают, для чего я вас сегодня собрал, а кто не знает, тот сейчас узнает.

Воронина я люблю, но вот речи – это всё-таки не его.

– Своим ресторанам я посвятил много лет. В девяносто шестом открыл первое кафе, за ним, в две тысячи первом, появился «Глагол», затем «Людо» и в две тысячи двенадцатом «Роден». Пережито много взлётов и падений, я не молодею, поэтому пора на покой. В прошлом месяце Карим Талгатович предложил купить мои рестораны, и я согласился.

С последней его фразой пальцы машинально вцепляются в подлокотники кресла в отчаянном желании вспороть натянутую на них кожу. Я не ослышалась? Воронин сказал: «Карим Талгатович»?

И прежде чем забурливший кисель в моей голове начинает переливаться через край, в правом углу, рядом со стеллажом, улавливается движение. Я ошарашенно озираюсь по сторонам. В смысле все были в курсе, что в кабинете всё это время был кто-то ещё?

Фигура в тёмном разворачивается, переставая быть настолько тёмной. Белое пятно рубашки на мгновение ослепляет меня, не сразу давая разглядеть лицо. Что, впрочем, и не нужно, потому что до боли знакомый голос уже ввинчивается в барабанные перепонки, заставляя сердце бухтеть как китайский напольный вентилятор.

– Всем добрый день. Меня зовут Исхаков Карим Талгатович. Я новый владелец «Родена».

Новый владелец «Родена» продолжает шевелить ртом, но всё, о чём я могу думать, это: «Твою же ж... Да твою же ж... Ну за что, а?»

Карим подходит к столу и занимает последнее пустующее кресло. Я опускаю взгляд себе на ладони. Для чего вообще потребовалось это эффектное представление? Неужели нельзя было сразу сесть, а не провоцировать у отдельных людей инфаркт миокарда.

– ...Глеб Андреевич собрал вас здесь по моей просьбе. Мне бы хотелось лично познакомиться с каждым из вас.

Полюбовавшись на свой выдающийся холм Венеры, я начинаю разглядывать линию жизни. А вот эта кривая неказистая полоска, кстати, наверняка линия любви. Вон какая вмятина посередине. Будто на ней потоптался какой-то ярый козлина.

В лоб словно забуривается толстенное сверло – верный признак того, что Исхаков Карим Талгатович меня заметил. Притворяться, что происходящее меня не касается, становится невозможным, и тогда я со вздохом поднимаю глаза. Встретив прямой тёмный взгляд, с вызовом задираю подбородок и поджимаю губы. Да, вот такой сюрприз. Мы снова встретились, но ты, надеюсь, не думаешь, что я рада.

Если бы Карим мог раздражать меня ещё больше, то сейчас это бы точно случилось. Как можно быть таким... вылизанным? Модно постриженные волосы блестят, как в рекламе шампуня, кожа загорелая, на рубашке нет ни единой складочки, а под рукавами пиджака проступают мышцы. И даже эта его щетина... Он как будто с ней родился.

И где только были мои глаза? Я не шучу. Мужчина не должен быть таким ухоженным и привлекательным, а иначе что остаётся нам, женщинам?

На пару секунд задержавшись на мне взглядом и никак не выдав того, что мы знакомы, Исхаков смотрит на генерального.

– Представьте своих сотрудников, Глеб Андреевич?

Я скрещиваю под столом ноги. Лапу давать не просит, просто хочет заглянуть в зубы.

– Про нашего шеф-повара вы наверняка слышали, – с готовностью отвечает Воронин, указывая на Марата. – Учился в Марселе. Работал в «Серрано» и последние четыре года у меня.

Карим кивает, смотрит заинтересованно.

– А родился ты где, Марат?

– Альметьевск, Татарстан.

– Татарин, значит, – отмечает с удовлетворением.

Ну что ж, за карьеру шефа можно только порадоваться. Сам Карим родом из Казани, а они своих жалуют. А если Марат ещё и шурпу готовить умеет, то вообще.

– А это Надежда Вячеславовна, наш бухгалтер, – продолжает знакомить генеральный. – Очень надёжный и честный специалист. Мы вместе много лет, и за это время никаких нареканий не было.

Надежда Вячеславовна густо краснеет. Я переглядываюсь с Полиной и замечаю в её глазах неподдельный животный восторг.

– Вот это охренеть, – беззвучно шевелит она губами, мечая взгляд в Карима.

В ответ я так же беззвучно фыркаю и тут же вытягиваюсь струной, потому что слышу своё имя.

– А это Василина, управляющая. С нами работает всего два месяца, но успела зарекомендовать себя как ответственный сотрудник. Дисциплина и чистота с ней вышли на новый уровень.

Занервничав от устремлённых на меня взглядов, я начинаю теревить бейджик и, как выясняется, совершенно зря. Потому что в следующую секунду он шмякается на стол и взгляд Карима плавно оседает на кляксе имени первого Президента СССР.

Вот же ж... Ну за что, а-а-а?

Его тёмная бровь скептически ползёт вверх, а в глазах проступает раздражение. Мне сквозь землю хочется провалиться. И вот снова. Карим весь из себя такой правильный и совершенный, а я... нелепая и неуклюжая. Однажды я испачкала его мороженым, так он даже до дома терпеть не смог – потащил в бутик за новой рубашкой.

Из кабинета Воронина я вылетаю первая. И дело вовсе не в Кариме. У меня народу полный зал, а ещё идиот на «Порше» и его дефектные вкусовые рецепторы наверняка довели официантов до трясучки.

– Слушай, а идея с продажей «Родена» больше не представляется мне такой уж плохой, – догоняет меня звенящий восторгом голос Полины. – Если наш новый владелец выглядит так. Я как увидела, чуть под стол не сползла, ей-богу. Ты куда так несёшься, Вась? Ты его разглядела?

– Его я разглядела даже в самых непредсказуемых ракурсах, – буркаю я, продолжая прокладывать путь в зал. – Мы встречались.

– Ты серьёзно, что ли? – Полина так резко сдавливает мой локоть, что каблуки со скрежетом зарываются в пол, и мне приходится остановиться.

– Да, серьёзно. Два года назад.

– А почему... ну, того? Расстались в смысле.

– Потому что я Макеева Василина Александровна, а он Исхаков Карим Талгатович! – неожиданно для себя рывкаю я. – Я взбалмошная русская без царя в голове, а он весь из себя правильный татарин из уважаемой семьи. Ну и много чего ещё.

– Мне очень жаль, что стейк показался вам не таким, как прошлый раз. Если у вас есть время, то мы с радостью приготовим другой. Вы наш постоянный клиент, и мы очень дорожим тем, что вы выбираете именно наше заведение.

Сиропом, льющимся из моего рта, можно засахарить трёхлитровую банку варенья. Была бы моя воля, я бы этого вечно недовольного мужика никогда больше не пустила на порог «Родена». Ему всё не нравится: то люди за соседним столом слишком громко разговаривают, и нужно заставить их замолчать, то блюдо принесли недостаточно быстро. Или вот как сейчас – мясо переперчённое. Назревает закономерный вопрос: для чего он к нам каждый день таскается как работу? В столице есть куча других заведений.

– У меня нет времени, – бурчит «Порше», в доказательство начиная нетерпеливо барабанить по столу наманикюренными пальцами.

На прошлой неделе он так выклянчил себе бесплатный ужин. Неужели и сейчас рассчитывает, что очередная халява отвалится? Думает, что тут собрались блаженные идиоты?

– Тогда попрошу официанта унести тарелку. – Я улыбаюсь так широко, как позволяет мне мой немаленький, к слову, рот. – Стейк мы, конечно, уберём из счёта. Очень жаль, что у вас нет времени дождаться нового.

Судя по недовольному взгляду, «Порше» рассчитывал на более длительные пресмыкательства и такая скорая развязка его разочаровала. Он поджимает губы, сводит к переносице брови, на что я моментально включаю дуру. В этом мне нет равных, что порой наводит на определённые мысли.

– Хорошего вам дня, и от лица нашего заведения ещё раз приношу свои извинения. Спасибо за терпение и лояльность.

Ухожу я походкой, преисполненной достоинства и, только когда дверь на кухню захлопывается, выпускаю из лёгких длинный выдох. Мне тяжело даются компромиссы, как и слепое следование золотому правилу ресторанного бизнеса «Клиент всегда прав». Как это прав, когда он не прав?

– Лен, забери у седьмого стола стейк.

На испуганный взгляд официантки поясняю:

– Менять ничего не нужно. Просто вычеркни его из счёта.

Официантка уходит, а я, немного отдышавшись, перемещаюсь в туалетную комнату, чтобы наконец застирать это чёртово кофейное пятно. Почему облиться нужно было именно сегодня, когда сюда приехал Карим? Хотя, если уж быть честной, мне положено иметь запасную рубашку, но запасная лежит дома с почти идентичной кляксой от томатной пасты. Ну не успела я её постирать. Вернее, забыла.

От сушки феном начинают гореть руки, поэтому я решаю, что быстрее рубашка высохнет на мне. Тщательно разгладив её, выхожу за дверь и тут же нос к носу сталкиваюсь с Каримом.

– Здравствуй, Вася, – невозмутимо здоровается он, будто совсем недавно мы не виделись в кабинете Воронина и как будто не расставались на два с лишним года. – Я тебя искал.

И до того как я успеваю сформулировать вразумительную мысль, его ладонь преспокойно обхватывает мой локоть и тянет в боковой «карман» рядом с подсобкой.

Я злюсь. В этом весь Карим. Настолько самоуверен, что может запросто таскать меня за собой, как куклу, будто имеет на это право. Вот эти его покровительственные жесты... Словно то, что мы когда-то спали, до конца дней наделило его правом до меня дотрагиваться.

Именно в тот момент, когда я готова начать праведно возмущаться, он отпускает меня сам.

– Для чего вы меня искали, Карим Талгатович? – уточняю с приторной вежливостью, чтобы наверняка его взбесить, и, отступив, тру руку о поясницу, чтобы стряхнуть покалывания от прикосновения.

– Не паясничай, Вася.

Моё сокращённое имя, произнесённое его голосом, – от природы низким и с едва заметным акцентом – заставляет кровь мгновенно прилить к лицу. На это он тоже не имеет права, как и на то, чтобы трогать мой локоть.

– Василина, – чеканю я, для убедительности тыча пальцем в бейджик.

Взгляд Карима быстро мажет мою рубашку в том месте, где я указала, и перемещается влево, на застиранное пятно. Я мысленно скриплю зубами. Ох уж эта моя тяга к спецэффектам. Лучше бы обошлась без демонстрации.

– Я не знал, что тебя здесь увижу. Получилось неожиданно.

– Это действительно странно с учётом того, что ты решил купить этот ресторан, а я работаю здесь лишь с одним выходным в неделю. Не похоже, что ты фанат местной кухни.

Его глаза неспешно блуждают по моему лицу, будто мы заново знакомимся.

– Раньше я часто здесь бывал, но ты, видимо, не работала.

– Видимо, – язвительно поддакиваю я.

Мне неудобно стоять с ним наедине в квадрате метр на метр. Если уж на то пошло, я вообще не планировала больше с ним разговаривать, а тем более нюхать его новую туалетную воду.

– Я искал тебя, чтобы поздороваться. И заодно сказать, что наше прошлое никак не должно влиять на дела. Через три дня состоится общее собрание с персоналом по поводу дальнейшего работы. К этому времени ты должна определиться, сможешь работать со мной или нет.

– А если скажу, что не смогу, ты ведь никуда не исчезнешь, да? – ласково переспрашиваю я.

Карим выразительно вздыхает и, усмехнувшись, качает головой.

– Хватит кусаться, Вася. Документы о продаже подписаны, и со вчерашнего дня ты работаешь на меня. У тебя три дня, чтобы подумать, сможешь ты блюсти субординацию или нет.

– Я подумаю. Это всё?

Карим смотрит на меня молча. Его взгляд быстро пробегается по моим укоротившимся за последние два года волосам, касается плеч и возвращается к глазам.

– Дела у тебя как, скажи?

Где-то в солнечном сплетении противно сжимается от того, каким тоном он это произнёс. Потеплевшим и небезразличным. Как будто... В общем, бесит.

– У меня всё прекрасно! – беззаботно восклицаю я. – Всё просто супер.

– Рад за тебя. Мила, слышал, замуж вышла.

– Откуда ты это слышал?

– Эльсина сказала. Они случайно на улице встретились.

Упоминание об Эльсине откликается во мне щемящей тоской. Она младшая сестра Карима, и раньше мы с ней дружили.

– Как у неё дела? – тихо спрашиваю я, опуская глаза. – У Эльсины.

– Что ей сделается? Про то, что она салон оптики открыла, наверное, знаешь.

– Нет, не знаю. Здорово. А Радик как?

– У него тоже всё хорошо.

В этот момент воздух, начинающий густеть от воспоминаний, разрезает мелодия его телефона. Она такая же, как и два года назад, – скучная и стандартная.

Сколько раз я ни пыталась поменять, Карим ставил её обратно.

Посмотрев на экран, он возвращает взгляд ко мне и мягко сжимает плечо.

– Рад был увидеться, Вася. Мне пора ехать. До встречи на собрании.

Приложив телефон к уху, он идёт к выходу, а я, застыв, провожаю взглядом его спину. А может, к чёрту этот «Роден»? Ресторанов в столице много, можно попытаться счастья где угодно. В увольнении есть куча плюсов. На новом месте не будет придурка «Порше» и необходимости встречаться с Каримом.

4

После работы Полина как бы невзначай предлагает заглянуть в винотеку по соседству и угостить меня бокалом хорошего шардоне. Маркетолог от бога, что с неё взять. Ей, конечно, не терпится вытрясти подробности моих отношений с новым владельцем. Я соглашаюсь по двум причинам. Во-первых, потому что дома меня ждут грязные полы и куча стирки, которую жутко хочется отсрочить, а во-вторых, я и сама, кажется, хочу выговориться.

Остаток смены прошёл как в тумане, потому что я изо всех сил пыталась ужиться с мыслью о работе с Каримом и наших будущих встречах. Что он сможет запросто вызвать меня в экс-кабинет Воронина и распекать как шкодливую малолетку. Тяжело работать на бывшего, особенно если этот бывший педантичен, как Карим. Иными словами, дерьмо, а не перспектива.

– Нам два бокала белого сухого и оливки, – говорит Полина, после того как мы занимаем наш привычный столик у окна. И не дожидаясь, пока исчезнет официант, требовательно командует: – Ну, рассказывай.

– О чём рассказывать? – невинно переспрашиваю я, имитируя своё любимое состояние. – А-а-а, про придурка на «Порше»? Вычла стейк из счёта, и он уехал.

Да, я хотела выговориться, но не так же запросто. Мне нужно, чтобы Полина меня немного поуговаривала.

– Вася, блин! – нетерпеливо рыкает она. – Не томи. Рассказывай, как ты познакомилась с нашим новым знойным шефом, как долго вы встречались и большой ли у него?

Вот что у Поли за привычка – задавать настолько бестактные вопросы? У меня имеется дурацкое свойство визуализировать слова собеседника, и сейчас перед глазами как по команде маячит 3d-картинка прибора Карима.

– Я училась с его сестрёнкой в школе и в универе, часто бывала у них дома, – отвечаю я, решив удержать анатомические подробности о новом владельце «Родена» при себе. – А ещё на первом курсе успела месяц повстречаться с его младшим братом.

– Ого! Да ты роковуха, Васёк. Обоих братьев захомутала.

– Ага, – кисло соглашаюсь я. – Но лучше бы тех четырёх недель невинных обнимашек и автомобильных покатушек не было, потому что в глазах родителей Карима отношения с обоими братьями – это конкретный харам.

– Харам? – Полина вопросительно поднимает брови, забирая у официантки бокал вина.

– Ну зашквар, косяк, – поясняю я.

– Но ты же не спала с ним. Какая разница?

– Это для тебя нет разницы. А для них есть.

– Ладно, а дальше? Как вы состыковались-то? И кстати, лет ему сколько? Выглядит максимум на тридцатку.

Я закатываю глаза к потолку, делая вид, что вспоминаю. На деле я прекрасно помню и сколько Кариму лет, и когда у него день рождения. Тридцатого марта. Говорю же, козлина.

– Двадцать девять в этом году исполнилось, – наконец изрекаю я, выдержав приличествующую паузу. – Состыковались мы... случайно.

Не хочу вспоминать, но над своей памятью я не властна. Цветные квадратики кадров уже мелькают перед глазами, отматывая время на два года назад. Я, одетая в обтягивающее мини, жду возле клуба Эльсину, которая, как всегда, опаздывает из-за свидания с очередным ухажёром. Компания парней по соседству начинает настойчиво зазывать меня к себе, и тогда меня окликает Карим, проезжавший мимо. Говорит сесть к нему в машину и ругает за то, что я так поздно стою здесь одна. Как сейчас помню, сколько восторга и щенячьего трепета испытала, когда увидела за опущенным стеклом его лицо.

– Как-то ему пришлось довезти меня до дома, и на прощание я немного промахнулась с дружеским поцелуем.

Теперь и эта картина так живо встаёт перед глазами, что я невольно начинаю улыбаться. Я тогда и правда промахнулась: хотела чмокнуть Карима в щёку, но он дёрнулся, и поцелуй пришёлся в губы.

– Через день он позвонил и пригласил на свидание. Ну и понеслась.

– Романтично так, – хмыкает Полина, кажется не слишком впечатлённая такой историей. – А почему расстались?

Я опускаю глаза на причудливый деревянный узор стола и начинаю нервно вращать ножку бокала. Становится неуютно.

– Я же говорила... Причин много, но основная: потому что я не из их круга. Русская в смысле. Дружить – дружите, пожалуйста, но связывать жизнь они предпочитают со своими. Родители Кариму ещё до того, как мы стали встречаться, невесту выбрали. Дочь судьи, с которым Талгат Юсупович в одной деревне рос. Айгю-ю-юль, – не удерживаюсь я от того, чтобы не исковеркать её имя. – Так она меня бесила, ты бы знала. Вся такая из себя воспитанная леди на икс пятом, но при этом по всяким пустякам Кариму названивала.

– И он теперь с ней встречается?

Фыркнув, я отпиваю вино.

– Откуда я знаю? Скорее всего. А! Вот тебе ещё. Его даваника – это бабушка на татарском – взяла с Карима слово перед смертью, что он непременно женится на татарке. Это мне Эльсина по секрету рассказала.

– Ну капец! – возмущённо резюмирует Полина. – Прямо разочарование. Взрослый вроде мужик, а идёт у старухи на поводу. Вот и отлично, что вы расстались! Пусть на своей женится, а мы тебе кого-нибудь получше найдём.

Вообще, бо?льшую часть времени я и сама себя в этом убеждаю: что Кариму нужно идти лесом со своими татарскими обычаями и что наше расставание – это благо свыше, и я обязательно найду себе парня в триста пятьдесят один раз лучше него. Но почему-то, когда Полина произнесла это вслух, становится неприятно. Дурацкая у меня привычка вечно его защищать. Моя мама была против наших отношений. Говорила, что тиран Карим наденет на меня паранджу и заставит сидеть дома. Я с ней сильно ругалась, запрещая лезть в наши отношения. Любила его сильно. Сейчас уже не люблю, но защищать, как ни странно, по-прежнему хочется.

– Ладно, не кисни, Вась, – снова подаёт голос Поля. – Ты у нас вон какая красотка. В «Роден» каждый день столько мужчин ничёшных заглядывает – красивых и обеспеченных. Мы тебе враз кавалера найдём. Кстати, как там тот, который тебя на свидание звал, поживает? Как его... Боря, Коля...

– Алексей. Нормально. Договорились увидеться на следующей неделе.

– Вот! – бодро поддакивает Полина. – У него же приличная какая-то машина была, да? Пусть тебя в понедельник после собрания встретит, чтобы Карим твой локти от ревности покусал.

Я вздыхаю. Карим и кусать локти? Ага, как же. Два года прошло. Может, всё-таки уволиться?

– Валя, в левой туалетной кабинке бумага закончилась. И ещё диспенсеры под мыло проверь на всякий случай. Почему у тебя форма мятая? Сейчас же замени. Лен, а ты волосы в порядок приведи. С распущенными у нас на смене не ходят.

Уборщица с официанткой сбегает от меня, как перепуганные карасики от щуки, страдающей ПМС, и тогда я украдкой смотрюсь в зеркало. Трогаю чуть заметную складку на рубашке, которую пыталась отутюжить всё утро, втягиваю губы в рот, тщательнее распределяя помаду. Через полчаса Карим проводит своё первое собрание в качестве нового владельца.

Два дня я взвешивала все за и против работы на него и наконец приняла решение попробовать. Всё-таки нанимал меня не Карим, а Глеб Андреевич, и именно он доверил мне управление и развитие «Родена». Некрасиво будет сбегать из-за того, что моя личная жизнь когда-то дала трещину. Я профессионал, так-то.

– Приехал! – заговорщицки шипит Полина, выныривая из зала. – Ты как, готова?

Оценивающе пробежавшись по мне взглядом, она хмыкает:

– Могла бы глаза поярче накрасить и каблуки повыше надеть. – И смилостивившись, добавляет: – Выглядишь отлично.

Я по привычке фыркаю, мол, больно надо, хотя писклявый голосок внутри жалобно ноет: «Ну правда, а что тебе стоило надеть другие туфли?» Десятисантиметровых шпилек в моём гардеробе полно, к слову. Остались со времён студенческих тусовок.

Сквозь начищенное оконное стекло я вижу, как дверь чёрного седана распаивается и оттуда выходит Карим. Меня вмиг посещает забытое ощущение – будто заиграла любимая мелодия и чьи-то умелые руки стали ласково разминать мне плечи, заставляя впасть в восторженный транс. Ровно то же самое я испытывала раньше при каждой нашей встрече: застывала с идиотской улыбкой в ожидании, когда Карим подойдёт ко мне и, улыбнувшись до выразительных лучиков на висках, проговорит тепло и тягуче: «Здравствуй, моя Вася».

Ну вот что я за дура такая, а-а? Бесит.

– Так, руководство здесь, – громко объявляю я, оглядывая персонал, рассеявшийся за столами. Штат в двадцать восемь человек не получилось бы разместить в кабинете, поэтому собрание решено было провести в зале для посетителей перед началом смены.

– Нового владельца зовут Исхаков Карим Талгатович, если кто-то забыл.

На этих словах входная дверь распахивается и на пороге появляется Карим.

«Здрасьте», – нестройным эхом шелестит по стенам. Сама же я, поймав его взгляд, с достоинством киваю в знак приветствия. Вот как ему это удаётся, а? Ни малейшего залома на рубашке. Я за всё утро ни разу не присела, а уже насчитала на юбке три помятости.

– Доброе утро! – здоровается он, проходя мимо столов к центру зала.

– Хэерле иртэ! – услужливо вылетает у шеф-повара.

Все как по команде поворачивают голову на незнакомую фразу, в то время как я закатываю глаза. Ох уж Марат. Жополиз и предатель.

Карим выкладывает телефон на стол и разворачивается. Собрание должно было начаться в девять, а на часах восемь пятьдесят восемь. Ох, чую, несладко нам всем придётся.

– Многие из вас уже знают, как меня зовут, но я на всякий случай представлюсь. Исхаков Карим Талгатович, новый владелец сети. Спасибо, что пришли пораньше. Сразу скажу, что сегодняшнее мероприятие носит ознакомительный характер. Никого увольнять или отчитывать я не планирую.

По залу прокатывается едва различимый вздох облегчения, поскрипывают стулья. Официанты ко мне, как к любимому психотерапевту, все три дня ходили с одним вопросом: «А нас точно не уволят?». Где-то они раскопали информацию, что новый владелец – мажор и самодур, и стоит ему не угодить, как всё – прощай, работа. Я пыталась их успокаивать, но ничего не вышло: паника, напротив, росла как на дрожжах. Уже и про лишение чаевых пошла речь, и про круглосуточный график работы. Пришлось как следует рявкнуть и пригрозить,

что я сама их уволю, если не замолчат. Парадокс: стенания моментально прекратились.

– Моя семья владеет гостевым комплексом, на территории которого есть несколько ресторанов, – продолжает Карим. – Поэтому об этом бизнесе я кое-что знаю. Менять ход вашей работы пока не планирую. Скорее всего, будут внесены корректировки в меню, но это мы уже обсудим с Василиной и Маратом.

Я при звуке своего имени вздрагиваю, а Марат согласно кивает, мол, давно пора. Говорю же, предатель.

Официанты по очереди представляются. Текучки у нас нет – коллектив дружный, окладная часть и чаевые более чем приличные. Поэтому они так и заверещали: уходить из «Родена» никому не хочется.

Изредка Карим задаёт им вопросы, например, давно ли они здесь работают и где трудились до этого. Девчонки через одну начинают краснеть и, когда отвечают, меняют голоса на приторно-сладкие. Я разглядываю пол и агрессивнo тру новый залом на юбке. Есть мышечная память, а у меня память нервная. Вот это из-за последней мне сейчас так не по себе. Карима я всегда ревновала. Жутко. В его компании была куча красивых девушек, сестёр его друзей и их разодетых подружек. Многие из них, разумеется, заглядывались на него, и это... Да, это меня жутко бесило. «Чего ты смеёшься?! – возмущалась я, молотя кулаками по его груди. – Она к тебе клеится! А если я к Искандеру на колени залезу?! Понравится тебе?»

«Тогда сразу получишь по жопе», – серьёзно обещал Карим, и это почему-то сводило моё возмущение на нет. Одно время мне нравилось, когда он ревновал.

– Василина!

Я вскидываю глаза. Все смотрят на меня, включая Карима.

– Нам с тобой надо будет в кабинете посидеть. Но сначала организуешь мне небольшую экскурсию.

Роза и Юля, наши самые хорошенькие официантки, смотрят на меня с нескрываемой завистью. Где справедливость? Ещё вчера они ныли, что самодур Исхаков вышвырнет их на улицу, если встанет не с той ноги, а сейчас готовы добровольно сдаться ему в рабство.

– Конечно, Карим Талгатович, – кротко говорю я и, не сдержавшись, язвлю: – Вы же здесь босс.

«Ты договоришься, Вася», – красноречиво транслирует его моментально тяжелеющий взгляд, после чего Карим вновь отворачивается к остальным:

– Персонал кухни может начинать готовиться к смене. С остальными я переговорю чуть позже.

Под раздавшийся грохот отодвигаемых стульев он выпрямляется и кивает мне, мол, вставай и пошли.

Я поджимаю губы. Когда распоряжения отдавал Воронин, я не имела ничего против, но сейчас хочется по-детски сгримасничать или хотя бы спрятать за спиной средний палец. Чего я, кстати, обещала себе не делать, раз уж приняла решение остаться в «Родене». Просто всё внутри меня восстаёт против того, чтобы слушаться приказов человека, который так сильно меня ранил.

– С чего хотите начать? – сухо уточняю я, подходя к Кариму. – Предлагаю с запасного входа, чтобы вы имели представление, как начинается рабочий день.

Несколько секунд Карим смотрит мимо и после того, как шум голосов стихает, возвращается к моим глазам. Его голос звучит резко, обвинительно.

– Я давал тебе время, чтобы утрясти свои личные разногласия, Вася. Если ты не уволилась, расцениваю это как согласие на работу. Имей в виду: если я ещё раз услышу, как ты пытаешься подначивать меня перед сотрудниками – тебя здесь не будет.

Меня с головы до пят заливают краской. Даже стопы горят от унижения. Знаю, что язвить было непрофессионально, но... Всё равно... Я хорошо делаю свою работу. И дисциплина у сотрудников при мне значительно выросла... Зачем он

так?

Ответ напрашивается сам собой: потому что мы давно стали чужими.

– Эти рестораны – дорогое приобретение, – продолжает он. – И твоим детским выходкам здесь не место. Ещё раз спрошу: ты готова работать без истерик?

В висках молотит: бух-бух-бух. Можно отказаться. Вот прямо сейчас, как я люблю, со спецэффектами. Помахать у него перед носом средним пальцем и послать прямиком в его любимый Мингер (село в Татарстане. – Прим. автора). Очень хочется. Уже через час я об этом, конечно же, пожалею, но одна сладкая минута принесёт мне массу удовлетворения.

Я набираю в лёгкие побольше воздуха. Если я это сделаю, то ничем не буду отличаться от взбалмошной Василины двухгодичной давности. А мама с папой так гордятся тем, что сразу после окончания университета я получила должность управляющей. Обидно будет так по-идиотски всё просрать.

– Да, – со скрипом выдавливаю я. – Больше такого не повторится.

– Хорошо, – чуть мягче произносит Карим, и на его лице появляется знакомое выражение, которое мне не слишком хочется интерпретировать. Так он смотрел на меня, когда после очередного скандала я приходила к нему мириться. – Теперь показывай, где запасной вход.

6

– Холодный и горячий цеха у нас объединены, – монотонно рассказываю я, остановившись посреди кухни. – Там, – взмахом руки указываю налево, – кондитерский. А вот тот закуток – комната приёма пищи.

– Закуток? – насмешливо переспрашивает Карим, приподнимая брови.

– Комната, – натянуто поправляюсь я. – Помещение для персонала. Справа моечная и кладовая.

Не спеша оглядев стены и периметр кухни, он останавливается на деревянном ящике, стоящем рядом со столом выдачи.

- А он что здесь делает?

Хороший вопрос. Вообще, на данный момент у этого ящика два назначения: хранить в себе бакинские томаты и прятать под собой расколовшуюся плитку, на которую позавчера грохнулась тяжеленная кастрюля с водой.

На мой взгляд, ничего страшного в этом нет, - это же не в зале, а на кухне случилось, - но зная дотошность Карима, захотелось подстраховаться.

- Это овощи привезли, - невозмутимо вру я. - Позже уберём на склад.

- Надо сейчас убрать. Что им делать в зоне выдачи?

Вот так. От одной его фразы вся конспирация идёт лесом. Скрипнув зубами, я подзываю су-шефа и прошу перенести ящик на склад. Толик смотрит на меня с пониманием, - мол, эх, не вышло - и через пару секунд потрескавшаяся плитка с проплешинами цемента является наружу, портя собой порядок, который мы так тщательно наводили.

Вот удивительно. Сколько людей я повстречала на своём двадцатичетырёхлетнем веку, но только в компании Карима мне удаётся чувствовать себя настолько по-идиотски. Ну что такого? Всего-то плитка откололась. Ерунда, мизер. Но сейчас, когда он смотрит прямо на неё, снова хочется провалиться сквозь землю.

- Очень находчиво, Вася, - замечает Карим спустя паузу. - Плитку нужно будет заменить. До завтра накидай список всего, что требует починки. Никакой сломанной техники, побитой плитки и заляпанных стен быть не должно.

- У нас всё работает, - сухо говорю я, делая себе пометку разгромить сервис по обслуживанию посудомоек, которые уже третий день не могут прислать ко мне мастера для починки одной из машин.

– На всякий случай проверь ещё раз. Лишним не будет. Кстати, что по форме? Я так понимаю, нужно будет дополнительно заказать.

– Для чего? – искренне недоумеваю я. – У каждого сотрудника есть по два комплекта.

– И у тебя? – Глаза Карима спускаются мне на грудь, в то самое место, где три дня назад красовалось кофейное пятно.

Ну какой же он зануда! И всего-то стоило один раз попасться ему на глаза в грязной рубашке.

– У меня тоже есть два комплекта. Показать? – едва сдерживаясь от обиды, уточняю я.

Пусть смотрит, если хочет. Застаревшее томатное пятно было не так-то просто отстирать, но я и хлорный отбеливатель справились.

– Не нужно. Я тебе верю, – чуть заметно усмехается Карим. – Лучше покажи склад.

Пока он оглядывает кладовую и холодильники, мне снова приходится сражаться с собой. Коробит, что Карим так тщательно всё проверяет. Будто хочет сказать: «Нет тебе доверия, Вася». И конечно, он имеет на это право: «Роден» действительно дорогое приобретение, и ещё неизвестно, как бы я себя вела, если бы в один прекрасный день смогла позволить себе такую покупку... Наверное, раздувалась бы от гордости и каждые десять минут дёргала официантов с просьбой принести кофе мне в кабинет... Но всё равно. Может, пора к психологу сходить? Карима я давно вычеркнула из жизни, а чувствую себя так, будто он должен относиться ко мне по-особенному.

– С экскурсией на этом можно закончить, – произносит он, налюбовавшись санузелом в раздевалке. – Замечания запомнила?

Разумеется, я их запомнила. Каждое высечено на нервах клеймом раздражения. Заменить бутылку с мылом на подвесной диспенсер, потому что так гигиеничнее, поменять занавеску в душевой, вычистить вытяжку. Ещё Кариму не

понравилась форма уборщиц, и мне нужно будет подыскать что-то новое.

– Запомнила, – буркаю я и вздрагиваю, потому что он снова берёт меня под локоть.

– Тогда пойдём в кабинет.

7

Когда дверь в бывший кабинет Воронина закрывается, отрезая от нас спящих туда-сюда третьих лиц, меня накрывает очередной приступ нервозности. Здесь тихо, как в гробу, а в воздухе ощущается что-то, чего ощущаться не должно. Личное, вот. Хотя личного между нами уже давно быть не может после всех слов, что Карим мне когда-то наговорил.

Своё волнение я, конечно, не выдаю. Передёргиваю плечами и с нарочитой отстранённостью говорю:

– На всякий случай сразу предупреждаю, что в понедельник я делаю отчёт по кухне и у меня не так много времени.

Произнесённое доставляет мне огромное удовольствие. Пусть Карим не думает, что у меня других дел нет, кроме как обсуждать душевые занавески и запах в холодильниках.

– Садись, Вася, – будто не услышав, распоряжается он, занимая бывшее кресло Глеба Андреевича. – Отчёты подождут.

– Вообще-то, отчёты – это одна из моих функций...

– Ты их кому потом сдаёшь? – невежливо перебивает он, приколачивая меня взглядом к полу.

Я машинально обхватываю себя руками и хмурюсь.

– Руководству и бухгалтерии.

– Теперь я твоё руководство, и я тебе говорю, что отчёт подождёт. Садись.

В третий раз за это утро я думаю, какой была дурой, что решила попробовать работать с ним. Не иначе тот тупой испанский сериал про озабоченных подростков свернул мне мозги набекрень. Права была мама. Карим деспот, который будет рад любой возможности скрутить человеческую свободу в бараний рог.

С каменным лицом я сажусь в кресло и, выпрямившись под углом девяносто градусов, смотрю перед собой. Вот ему надо поговорить – пусть говорит. Но заглядывать ему в рот я не буду.

– Хочу обсудить меню и террасу, – с ходу выдаёт Карим.

– У нас нет террасы, – парирую я.

– Будет.

От удивления я перестаю разглядывать рамку сертификата и впиваюсь в его лицо, ища признаки того, что Карим шутит. Полина, которая работает в «Родене» без малого три года, рассказывала, что Воронин за возможность установки уличной террасы кого только ни пытался подкупить, но всё было без толку. А Кариму что, так просто удалось?

– Хочешь сказать, что получил разрешение? – осторожно уточняю я.

Губы Карима трогает лёгкая улыбка.

– Да. Искандер помог. Он сейчас в администрации города работает.

Искандер – это его лучший друг с детства. Хотя на татарина он вообще не похож: Карим смуглый и темноволосый, а Искан – блондин с зелёными глазами. Мне Карим давно объяснял, что татары бывают разными: есть болгаринского типа, как Искандер, а есть как он – с отголосками монгольской расы. Радик, брат Карима, то ли в шутку, то ли всерьёз называл себя потомком Чингисхана.

– Тогда нам надо поторопиться, потому что лето в самом разгаре. Конец мая – это ведь уже лето. Столько всего нужно успеть... Заказать мебель, приборы, скатерти... Возможно, нанять дополнительный персонал... – от восторга слова брызгают из меня как из детского водяного пистолета.

Терраса – это же просто мечта. Просторная, стильная... Минимум столов на десять, с деревянным настилом и белым навесом, с ротанговыми столами и диванчиками, на которых набросаны рыжие парусиновые подушки... Почему рыжие, я не знаю – просто именно так мне представляется идеальная летняя веранда. Вечером будем предлагать посетителям пледы с вышитым логотипом «Родена», и конечно, нужно украсить периметр зеленью и цветами...

– Поэтому мы сейчас сидим здесь. – Глаза Карима следят за мной с любопытством. – Съезди на днях в «Камю». Знаешь такой ресторан?

Я не удерживаюсь от того, чтобы не окатить его порцией визуального снисхождения. Ну а кто не знает «Камю»? Его открыл приезжий зажиточный француз и за полтора года сделал одним из самых популярных столичных мест. Я бывала там пару раз с Милой. Чаще не могу себе позволить – ценник кусается как взбесившийся питбуль.

– Видимо, знаешь, – заключает Карим, правильно расценив мой взгляд. – Возьми подружку, чтобы не скучно было, и присмотришь, что и как у них устроено. Ваш ужин я оплачу.

– А парня можно с собой взять? – ехидничаю я.

Просто не удержалась, потому что Карим снова меня взбесил. «Возьми подружку, чтобы не скучно было». Думает, мне в ресторан больше сходить не с кем?

– Можешь пойти и с парнем, но за свой ужин пусть платит сам, – без улыбки отрезает Карим. – Я не богадельня для твоих ухажёров.

– Не ухажёр, а парень, – ласково уточняю я, мысленно потешаясь над тем, куда забрёл наш разговор.

Так-то у меня нет ни того, ни другого. Гостей ресторана, которые периодически заывают на свидания, я в расчёт не беру. Во-первых, заводить отношения с клиентами непрофессионально, а во-вторых, большинство из них либо седые, либо с кольцом, либо с пюзом. Ничего из вышеперечисленного мне не подходит. Очарованием седины я в свои двадцать четыре пока не прониклась, с женатыми по соображениям морали водиться не стану, а отсутствие торчащего живота – это мой личный пунктик. Я одержимый фанат твёрдого пресса. В своё время даже Карима дразнила, что если он разожрётся на своих эчпочмаках, то я его брошу. Хотя ему, конечно, не грозило. Я такие красивые кубики, как у него, только в кино видела.

– Закончила? – Карим мрачно зыркает на меня исподлобья. – Идём дальше. По меню...

Он продолжает шевелить ртом, но мой безукоризненный профессионализм внезапно даёт сбой, и я не слышу ни единого произнесённого им слова. По коже бегают мурашки, а в живот распирает от радостного предвкушения. Я знаю этот взгляд. Видела его тысячи раз, когда в шутку заигрывала с кем-то из его друзей или когда Карим заставлял меня в окружении парней-одноруппников. Такое вообще возможно? Что он до сих пор меня ревнует?

8

– Мам, а хлеб есть? – Я оглядываю стол в поисках знакомой плетёной корзинки и машинально тру взбунтовавшийся желудок. – А то у тебя оливье такой забористый.

– Ага, – со смехом поддакивает Мила. – Забористо-майонезный. Мне тоже горбушку дай, когда найдёшь. Только маленькую, а то я на диете.

– В хлебнице поищи, Васюш, – отзывается мама и, щёлкнув пультом от телевизора, включает свой любимый канал с детективными сериалами. – Вроде что-то должно быть.

«Что-то» оказывается половинкой ссохшегося батона, красиво подёрнутого пушком плесени. Я обречённо разглядываю его, примеряясь, смогу ли вырезать хотя бы небольшой съедобный кусок, и в конце концов отправляю в мусорное ведро, решив не рисковать пищеварением.

– Испортился, – подытоживаю, возвращаясь за стол.

Нахожу в вазочке отломанное печенье и начинаю жевать в попытке перебить вкус майонеза. Почему-то мама считает, что чем жирнее и калорийнее, тем лучше.

– Надо папе сказать, чтобы купил, – беспечно замечает она и, убавив громкость, поворачивается ко мне. – Рассказывай, Васюш, как дела на работе и какие на личном фронте успехи?

Мы с сестрой переглядываемся. Мила уже в курсе, что Карим купил «Роден» и теперь я вынуждена буду лицезреть его почти каждый день. А вот мама пока пребывает в счастливом неведении.

– Всё нормально. И там и там.

Мила, коза, насмешливо фыркает. Мол, ага, рассказывай нам тут.

– Что, совсем всё плохо? – Мама переводит разочарованный взгляд с меня на неё. – Ты же вроде в таком месте работаешь, где мужчин полно. Неужели тебе никто не нравится? Ни за что не поверю, что они на тебя не заглядываются. Ты у меня вон какая девочка сочная вымахала.

– Маа-ама-а, – измученно тяну я, воздевая глаза к потолку. – Я как-нибудь со своей личной жизнью сама разберусь, ладно?

– Разбирайся конечно. Но я всё равно не понимаю. Двадцать четыре – это тот возраст, когда надо как следует отрываться. Я в твои годы чего только не творила. Утром могла с одним встретиться, в обед с другим, а в кино пойти с третьим. Никто же о свадьбе речи не ведёт. А для здоровья и женской самооценки любовник точно не помешает.

Я со вздохом разгребаю майонезные залежи и насаживаю на вилку зелёный горошек. Если кому-то слышать такие слова от мамы покажется кощунством, то в нашей семье это нормально. Мама с лёгкостью может рассуждать при нас с сестрой о своих предпочтениях в сексе, а на школьный выпускной, например, засунула мне в сумку презерватив со словами «Может случиться всякое». Я тогда долго недоумевала: что значит «всякое»? У меня ведь даже парня не было.

Мои школьные и университетские подружки от маминой прямооты и лёгкости попросту пиццали, говоря, что мечтают о таких родителях. Когда я училась в восьмом классе, мама с отцом на неделю уехали к друзьям в Калининград и оставили квартиру полностью в нашем распоряжении. Никто из моих одноклассников в четырнадцать подобным похвастаться не мог. Ещё мама не слишком любит готовить, и часто вместо завтрака мы с сестрой получали карманные деньги с напутствием «Купите себе что-нибудь в столовой». Мы, конечно, были рады. Ну кому хочется давиться овсянкой, когда можно закинуться пиццей и колой? Но иногда, когда я приходила в гости к Юле, моей лучшей подруге, и тётя Вика угощала румяными домашними котлетами и нежным картофельным пюре с обязательной проталиной сливочного масла, меня посещало сожаление, что дома у нас всё не так. У мамы всегда находились вещи поинтереснее, нежели уборка и готовка: почитать новинки из мира детектива, поразгадывать кроссворды, сходить на уроки сальсы или съездить в лес с палатками и гитарами.

– Ресторан, в котором работает наша Вася, продали, мам, – громко объявляет сестра. – А купил его Карим Исхаков.

Я не думая выуживаю из салата кусок колбасы, измазанный майонезом, и швыряю в Милу. Калорийный лепок попадает прямёхонько ей в волосы, но даже это не облегчает моего праведного возмущения.

– Ты на диете из слабительного, что ли, сидишь, блин?! Почему в тебе ничего не держится?

Ну вот что она за коза! Знает же, что сейчас начнётся.

– Мало он тебе крови попил, – без прелюдий заводит любимую шарманку мама. – Неужели других ресторанов в городе нет? Специально именно твой выбрал.

– Конечно, специально, мам, – с готовностью поддакиваю я. – Как только нужную сумму накопил, сразу кинулся выяснять, где же я работаю. И пробирки принести не забыл.

– Какие пробирки? – недоуменно переспрашивает она.

– Как какие? Для моей крови, которую он собрался пить.

Мама тяжело вздыхает и, отвернувшись, прибавляет громкость на пульте.

– Опять ты его защищаешь, Васюша.

Да, защищаю. Привычка у меня такая. Сама я могу костерить Карима сутками, но когда за меня это делает кто-то другой, а в особенности мама, это жутко нервирует.

Мама невзлюбила его сразу же. Дело было за два дня до её юбилея, который она собиралась праздновать на нашей даче, находившейся в полутора часах езды от города. Мы с Каримом были приглашены вдвоём, но он присутствовать не мог, потому что помогал отцу с открытием гостевого комплекса. Хотя это, наверное, и хорошо, что не мог. Не представляю его подпевающим хитам 90-х и чокающимся домашним самогоном. По простоте душевной мама стала рассказывать ему, как весело мы празднуем: что в нашем доме собираются все соседи без исключения, включая моих давних дачных друзей, и мы делаем шашлыки, моемся в бане и ночью толпой можем повалить на пруд купаться. Карим, конечно, сразу набычился и заявил, что заберёт меня, когда освободится. На это уже взъерепенилась мама, узревшая ущемление моих прав на веселье. В своей лучшей панибратской манере она посоветовала ему выключить собственника, не гонять машину впустую и дать её дочери нормально отдохнуть. Мол, утром Андрейка, сын соседей, меня преспокойно в город привезёт. Я думала, Карима в тот момент на перемячи разорвёт.

Маму он, разумеется, не послушал и забрал меня в тот же день поздно вечером. Я-то и не против была: чего я там не видела? Репертуар ретро-попсы с шести лет наизусть знаю, а к бане равнодушна. Но мама очень обиделась. По возвращении домой заявила, что Карим её не уважает и всё, конечно, потому, что она русская. Татары, дескать, только своих слушают, и меня он тоже в грош не будет ставить. Посоветовала сто раз подумать, прежде чем продолжать с ним отношения. А

какой мне думать? Я тогда уже была по уши в него влюблена.

– Но плюсы от появления Карима тоже есть, – подаёт голос Мила, промакивая салфеткой майонез с волос. – Например, сегодня вечером мы с Василиной идём в ресторан за его счёт.

– Ты уверена? – язвлю я. – По-моему, максимум, что ты заслужила – это мамин оливье.

Вообще, Кариму я сказала, что пойду в «Камю» завтра, но несъедобный мамин ужин вынудил перенести дату разведки. От голода перед глазами начинают мелькать красочные картинки местных блюд, и мне приходится поджать губы, чтобы не потекла слюна. Уж если Карим платит, я закажу самое дорогое и ещё попрошу завернуть с собой. У меня в холодильнике как раз мышь повесилась.

9

– И порции здесь такие нормальные, – удовлетворённо замечает Мила, когда перед её носом опускается тарелка с дымящейся говяжьей отбивной. – М-м-м, это точно лучше, чем мамин оливье.

– В «Камю» очень вкусно готовят, – соглашаюсь я, запуская ложку в сырный суп. – Я очень хочу пару блюд у них украсть. Малиновый тарт и мини-киш с карамелизированным луком. Закажи себе, если хочешь. Серьёзно, пальчики оближешь.

– Я и так с голодухи три блюда заказала. Куда мне ещё? – Глаза Милы начинают озорно искриться: – Или мы Каримыча рублём наказываем? Если так, то попрошу завернуть с собой.

Я смеюсь. У нас с Милой мысли часто сходятся – недаром мы сёстры. Хотя в безбашенности мне за ней не угнаться. Это сейчас она замужняя матрона, а ещё лет пять назад... Её и пьяной домой приносили, и в обезьяннике Мила как-то ночевала, потому что полицейского в далёкое пешее послала. И самое

удивительное, что при таком образе жизни она умудрилась физфак с красным дипломом закончить. Мы, Макеевы, в этом смысле уникальные люди.

– Может, по вину возьмём, кстати? А то я не за рулём.

Я энергично кручу головой.

– Нет уж. С тобой вино пить опасно, поэтому я пас. К тому же мне завтра надо быть в офисе пораньше. Вчера полдня в кабинете у Карима проторчала и отчёт сделать не успела.

– Так не твоя же вина, – хмыкает Мила. – Он тебя отвлёт, вот пусть и подождёт.

– Я же управляю этим рестораном, – не слишком настойчиво возражаю я, зная, что объяснить вольнолюбивой сестре разницу между руководящей и исполняющей должностями будет сложно.

Сама Мила меняет работу каждые полгода, успев поработать и менеджером по продаже автомобилей, и сотрудником картотеки в местном НИИ, и оператором колл-центра. На компромиссы с начальством она не шла и в случае разногласий предпочитала выразительно шарахнуть дверь.

Всё потому, что Мила ни разу не любила то, чем занималась. Ну и ещё ей чужда потребность доказывать кому-то, чего она стоит. А мне, увы, не чужда. После разговора в кабинете я вышла с твёрдым желанием заставить Карима молиться на мой светлый управленческий лик. Терраса в «Родене» должна переплюнуть террасу «Камю» и заставить весь столичный свет грызться за возможность занять у нас стол.

Вспомнив об этом, я незаметно направляю камеру телефона на стоящий между столами инфракрасный обогреватель. Нам тоже надо обзавестись такими – выглядит как стильный уличный фонарь и вечером гостям не придётся мёрзнуть.

– О-хо-хо! – неожиданно крикает Мила, переводя взгляд от развороченной отбивной на мою макушку. На её лице появляется широкая озорная улыбка, а тон становится раз в пять громче: – Вы смотрите, какие люди! Татарский десант на французской земле высадился.

И ещё до того как я успеваю повернуть голову, слышу знакомый голос с едва уловимым акцентом:

- Привет, Мила. Давно не виделись. Здравствуй, Вася.

Вот знала же, что импровизации до добра не доводят и в гастрономическо-интерьерную разведку нужно было идти завтра. Потому что сегодня сюда припёрся Карим.

- Здравствуйте, Карим Талгатович, - пафосно здороваюсь я, задирая голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Впрочем, пафос моментально улетучивается, когда за его плечом я вижу знакомое лицо.

- Искин! - взвизгиваю я и, вскочив, едва не роняю плетёное кресло.

Искандер сдержанно улыбается. Он по жизни смущающийся, но разве меня это когда-нибудь останавливало? Я обнимаю его за шею и как следует стискиваю, отчего он начинает смешно пыхтеть. Всё ещё боится недовольства Карима. Но мы же с ним больше не встречаемся, так чего бояться-то?

- Как у тебя дела? - Отстранившись, я быстро его оглядываю. - Ты поздоровел, молодец! Не женился случайно?

- Нет ещё. В сентябре свадьба.

- То есть женишься? Ох, поздравляю! А на ком? На Мадине?

Искандер беззвучно усмехается.

- Нет, не на ней. Мою невесту зовут Лиля.

Лилия. Таковую не помню. Почему-то я была уверена, что Искин рано или поздно женится на двоюродной сестре Эльсины и Карима. Мадина мне нравилась. Может быть, потому что у меня не было повода ревновать.

- Мадина в Лондон переехала, - поясняет Карим. Если ему и не нравится, что я повисла на его друге, то он не подаёт виду, даже улыбается. - А ты, вижу, к

заданию подошла со всей серьёзностью.

С этими словами он выразительно смотрит на наш забитый едой стол. Помимо основных блюд мы заказали горячие закуски, сырную тарелку и домашние лимонады. Они здесь очень вкусные.

– Не знала, что мне требовалось экономить, – моментально ощериваюсь я. – Я на диетах-то не сижу, если ты забыл.

Раньше я часто язвила, что Айгю-юль морит себя голодом ради внимания Карима и что сама я ни за что этого делать не буду. Он отвечал, что ему во мне всё нравится и если я начну худеть, то сразу получу по жопе. Моя пятая точка вообще была для него особым пунктиком. Карим хоть и с виду весь из себя правильный мусульманин, на деле совсем не такой. Намаз не читает, алкоголь употребляет, пусть и нечасто, а в сексе тот ещё извращенец. Как его бабушке, интересно, со всей этой информацией живётся на том свете? Наверное, успокаивает себя тем, что внук не ест свинину и, когда придёт время, женится на татарке.

– А я разве против? – посмеивается он. – Ешьте на здоровье.

– Мы ещё и с собой заказали, – весело выдаёт Мила.

Жаль, что у меня майонеза под рукой нет.

Карим с Искандером уходят на противоположную сторону веранды, и теперь я снова могу сосредоточиться на еде. Но то ли из-за того, что суп успел остыть, то ли из-за кучи закусок, аппетит пропал. Я бесцельно помешиваю ложкой, против воли окунаясь в бульон из воспоминаний. В начале отношений мы с Каримом почти каждый день устраивали гастро-туры по столичным заведениям. Какие только блюда я не перепробовала: от лягушачьих лапок до тартара из конины. За месяц поправилась на два килограмма, но Карима это, кажется, только забавляло. «Кушать всегда нужно хорошо, – говорил он. – Еда – это твоё здоровье». Козёл он, конечно, но мог быть заботливым и щедрым.

– Василя-я! – окликает меня заскучавшая Мила. – Ты о чём задумалась?

Василя – это татарское имя. Сестра говорила, что так меня будут звать, когда я выйду за Карима замуж. Мила почему-то была уверена, что мы поженимся. Дурёха наивная.

– Суп ем, не видно, что ли? – буркаю я.

– А по-моему, ты в нём рыбачишь. Там два парня симпатных за соседним столом на нас смотрят. Может, мне им махнуть? В смысле, чтобы ты с ними познакомилась. Заодно и Каримыч пусть пар из ноздрей попускает.

– Не надо, ради бога, – шиплю я, машинально пригибаясь к столу. – Я сюда по работе пришла, а не на вечерний съём.

– Такая ты скучная стала. Мама правильно говорит: в твоём возрасте нужно отрываться.

– А в твоём возрасте нужно детей рожать, – едко вставляю я, зная, что Мила терпеть не может эту шаблонную фразу. – То-то же. Доедай свою отбивную, а я пока пойду зеркало в туалете сфоткаю. Хочу в «Родене» заменить.

Остаток вечера проходит без происшествий, если не считать того, что я откровенно переела. Пару раз мужчины изъявляют желание познакомиться, что в компании Милы со мной происходит довольно часто: вдвоём мы смеёмся так, что незамеченными остаться невозможно.

– Чаевые оставлять не будем, потому что на десяти процентах от нашего счёта можно разориться, – шутит Мила, когда я вкладываю купюры в папку. – Ты на такси или на метро?

– На метро. А ты?

– За мной через пару минут Сева подъедет. Он здесь неподалёку был.

Сева, муж Милы, работает менеджером в крупной курьерской компании и часто разъезжает по городу. У него в офисе они, кстати, и познакомились. Она пришла устраиваться на аналогичную должность, но не продержалась и двух недель. Зато их роман продлился куда дольше и даже вылился в юридически

оформленный брак.

– Ему привет, – говорю я, всё-таки отсчитывая чаевые. – На следующей неделе как обычно? Во вторник у родителей?

– Ага. – Мила прикладывается губами к моей щеке и, потрепав по волосам, гаркает на всю террасу: – Каримыч, покеда!

У них всегда были странные отношения. Сестре доставляло удовольствие над ним подшучивать, а Карим воспринимал Милу как ветрянку: от неё никуда не деться и просто нужно пережить.

Усмехнувшись, он сдержанно поднимает руку в знак прощания и после смотрит на меня. Я отвожу глаза, благодарю официанта и поднимаюсь. Может, всё же стоило поехать на такси? Как-то странно уезжать из «Камю» на метро.

– Вася, – догоняет меня голос Карима ещё до того, как я успеваю дойти до ступенек.

Сжавшись как пластиковая бутылка, из которой выкачали воздух, я оборачиваюсь.

– Ты домой сейчас?

Я машинально киваю.

– Подожди пару минут. Руки помою и отвезу.

10

Карим скрывается за дверью ресторана, даже не удосужившись услышать, согласна я на его шофёрские услуги или нет. Такой самоуверенный, аж бесит! Всегда таким был. По-хорошему, надо проучить его и уйти, но я почему-то остаюсь на месте и разглядываю здоровый керамический горшок с торчащей из

него зеленью.

– Извините, – окликаю официантку, идущую мимо. – А вы не подскажете, что это за растение?

Она безразлично пожимает плечами и шлёпает дальше. Ладно, сама выясню. Навожу на него камеру и фотографирую с нескольких ракурсов, чтобы потом поискать в интернете. Собираюсь убрать телефон в сумку, но в этот момент вижу выходящего Карима и делаю прямо противоположное: прикладываю трубку к уху и имитирую разговор.

– Да-да, конечно, – деловито говорю в динамик, поворачиваясь к Кариму спиной. – Завтра обсудим. Да ты что? Серьёзно? Вот это да!

И лишь когда запах мужской туалетной воды усиливается настолько, что игнорировать присутствие Карима становится невозможным, я вскидываю глаза и вытягиваю лицо в удивлённом «О, ты уже здесь?».

– Созвонимся попозже, хорошо? Ну давай, всё. Целую.

Вдавлив палец в выключенный экран, я запихиваю телефон в сумку и вопросительно смотрю на Карима: дескать, заболталась, извини, о чём мы там договорились?

Хорошо, что посреди этого спектакля никто не додумался мне позвонить. А то пришлось бы эмигрировать в страну третьего мира и там проходить онлайн-сеансы психотерапии в попытке оправиться от позора. Вот люблю я на ровном месте пощекотать себе нервы.

– На Курскую тебя? – спрашивает Карим, пока мы в метре друг от друга бредём на парковку.

– Нет. Я же съехала от родителей.

Нахмурившись, он озадаченно изучает моё лицо, будто впервые его видит.

– И где ты сейчас живёшь?

И тут я, дурочка, вместо того чтобы многозначительно пожать плечами и дать Кариму помучиться любопытством, по-простецки вываливаю:

– Мы квартиру с Таней, бывшей однокурсницей, снимаем. Помнишь её?

– Та, которая машину мне облевала?

Я скорбно прикрываю глаза.

– Ты всю жизнь мне это припоминать будешь? Она тогда, между прочим, серьёзно отравилась.

Ужасный был случай. Таня до начала четвёртого курса была типичным ботаником, потому что большую часть жизни просидела под каблуком у деспотичной мамы. И вот однажды мы с Милой вытащили её с собой в клуб, где она впервые напилась текилы. Что тогда было! Она участвовала в конкурсе на лучшую грудь, через стойку целовалась с барменом и в конце концов уснула в туалете. Оставлять её в таком состоянии было нельзя, и я попросила Карима довести Таню до общежития. Он пьяных на дух не выносит, а потому соглашался с каменным лицом. Пришлось в благодарность пообещать на обратном пути сделать ему минет. И как назло, стоило нам тронуться, как из Тани выпитое наружу полезло, и она весь задний диван уделала. Меня тогда саму чуть не стошнило. Вместо благодарственного минета пришлось полночи проторчать на автомойке и ждать, пока сделают химчистку.

– То есть это она? – с усмешкой переспрашивает Карим.

– Да, она, – буркаю я. – Таня, между прочим, сейчас помощником главного юриста в «Кристалле» работает.

Интересно, зачем я это сказала? Чтобы Карим не думал, что я с пьяницей живу? Какое мне вообще дело до того, что он думает о моей личной жизни? Мне вот на его личную жизнь наплевать.

– Молодец, – комментирует он и, открыв пассажирскую дверь, жестом приглашает садиться. Совсем как раньше. Хотя не совсем. Раньше Карим обязательно старался ущипнуть меня за задницу.

Два года назад у него была другая машина. А в этой всё незнакомо, кроме разве что флакона туалетной воды, торчащей из бокового кармана, и чётки с молитвой на зеркале заднего вида. Ну и конечно, в салоне идеальная чистота. У семьи Карима есть нанятые водители, которые каждое утро гоняют машины на мойку.

- Адрес говори, - требует Карим, занимая соседнее кресло.

Я называю. Ну разве не странно, а? Видеть его не желала, а сейчас добровольно сдаю ему место своего проживания.

- Пристегнись.

Незаметно погримасничав, я протаскиваю ремень безопасности по сиденью позади себя и защёлкиваю карабин, чтобы пищавший звук прекратился.

- Вася! - незамедлительно рявкает Карим, заметив моё ухищрение. - Что за детский сад?

Придерживая руль, он резко оттягивает ремень с моего кресла и перебрасывает его через меня.

- Ты же вроде взрослая девочка.

Я уже и забыла, каким дотошным он становится, когда речь идёт о правилах безопасности. У Милы в машине я никогда не пристёгиваюсь и не вижу в этом ничего страшного. Но вот сейчас Карим сказал про детский сад и вдруг так стыдно стало.

- Мне ремень грудь жмёт, - буркаю я, отворачиваясь к окну.

Становится чуточку менее обидно, когда в отражении вижу, как Карим пялится на мою рубашку. Даже улыбнуться хочется. Фу, кобелюга.

- Ну и как прошла разведка? - спрашивает он дорогой. - Почерпнула полезных идей?

– Конечно. Мне, например, очень понравились беспроводные зарядки в настольных светильниках.

– Тоже обратил внимание. Надо такие в зал поставить.

– А вот цветочное оформление у них, кстати, не очень.

– Почему?

– Потому что у кого-то из гостей может быть аллергия на цветы, а ещё есть риск приманить пчёл. Представляешь, если кого-нибудь укусят?

Карим согласно кивает.

– Да. Цветущие тогда исключим.

Повисает молчание. Я складываю ладони на коленях и увлечённо разглядываю ногти. Меня жалят воспоминания. Чего только мы с Каримом не делали в таких поездках: ругались, мирились, целовались, дрались, занимались сексом. Вот почему он молчит? О том же думает?

Я украдкой кошусь в его сторону, и в тот же самый момент взгляд Карима отрывается от окна, чтобы быстро пробежаться по моим коленям. В горле начинает першить, и приходится откашляться. Щёки наливаются горячим.

– Я тебе отчёт по кухне завтра в обед отошлю, – по-деловому говорю я в попытке отвлечься от дурацких мыслей.

– Завтра меня на месте не будет. В кабинете бригада будет делать ремонт.

– Зачем? Нормальный же кабинет.

Карим снисходительно дёргает губами, но ничего не отвечает. Ой, ну какой же он сноб! Надо, чтобы всё было непременно новое и сделано под него.

– За тем домом направо, – подсказываю я, когда машина сворачивает на нужную улицу.

– В конце следующей недели нужно будет корпоратив собрать, – говорит Карим, щёлкая поворотником. – У нас в «Сабантуе» проведём. С Маратом меню обсудите. Можно диджея или группу местную пригласить, на квадроциклах и лошадях покататься. Сможешь организовать? Или отдельного человека найти?

Лучший способ заставить меня что-то сделать – это спросить, смогу ли я. Сможешь ли ты в одиночку дотолкать заглохшую машину до автосервиса, Василина? Конечно да. А прыгнуть с парашютом при жуткой боязни высоты? Пфф, разумеется. Непонятно, в кого я такая тщеславная. Никто в нашей семье подобным не славится.

– Смогу, – как можно небрежнее отвечаю я. – Завтра с Маратом обговорю. А бюджет какой?

– Уж на приветственном корпоративе экономить не будем, – усмехается Карим.

– Хочешь купить любовь сотрудников шашлыками и конными прогулками?

Повернувшись, он скалит свои белые зубы.

– Почему нет?

Я не сразу нахожусь с ответом, потому что загипнотизирована его улыбкой. Какое он имеет право улыбаться мне как раньше? Мы расстались вообще-то, и я считаю его козлом.

– Вон мой подъезд, – агрессивнее, чем нужно, тычу пальцем в лобовое стекло. – Остановись здесь, я дойду. А то там разворачиваться замучаешься.

Но Карим, как и обычно, меня не слушает и подъезжает напрямик к дверям. Переводит коробку в режим парковки и, опустив стекло, неспешно разглядывает фасад дома.

– Дорого квартиру снимаете?

Этот личный вопрос на секунду приводит в ступор, но я быстро нахожусь с нужным ответом:

- Моей зарплаты вполне хватает.

- Это хорошо, - замечает он, поворачиваясь.

Два года назад в такой ситуации его рука уже шарила бы у меня в белье, а я пыталась бы высосать его язык. Плотнее сведя колени, нащупываю дверную ручку.

- Спасибо, что довезли, Карим Талгатович. Это было очень мило с вашей стороны.

- Спокойной ночи, Вася.

Промедление чревато новым приступом ностальгии, поэтому я с силой толкаю дверь от себя и выхожу на улицу. К подъезду иду, не оборачиваясь, но знаю, что Карим за мной наблюдает. Он всегда так делал, когда довозил меня до дома. Ждал до тех пор, пока я не дойду до квартиры и не напишу ему контрольную СМС. Это казалось мне безумно милым.

У двери я всё-таки оборачиваюсь и застаю Карима за разглядыванием моей юбки.

- Вычисляешь, насколько я поправилась, Исхаков? - Обвинительно поднимаю бровь. И пусть за два года я действительно прибавила несколько сантиметров в бёдрах, меня всё устраивает.

- Хорошая, - улыбается он и добавляет уже строже. - Напиши, как в квартиру зайдёшь.

– По вкусу похоже на разваренные макароны с сыром, которые опалили бензиновой горелкой. – Поморщившись, я отодвигаю от себя тарелку с пастой. – Если гость однажды такое попробует, он сбежит от нас, роняя тапки.

Марат недовольно поджимает губы. Ещё до появления Карима было решено ввести в меню несколько новых блюд вместо тех, что не пользуются популярностью, и сейчас мы их дегустируем. Салат с тофу для тех, кто поддался повальной моде на веганство, вчера утвердили, а вот с пастой пока затык.

– Пусть Карим Талгатович попробует, – сухо роняет Марат, глядя на меня с открытой неприязнью. – Думаю, он оценит.

Ишь, как заговорил. С появлением Карима он почему-то решил, что подчиняется ему, а не мне. Явно наличие общих корней спровоцировало в нём такую уверенность.

– Карим Талгатович, конечно, может попробовать и даже доест всё, что лежит на тарелке, но в меню мы этот слипшийся комок теста всё равно не запустим. Потому что ответственность за финальный выход блюд лежит на мне, а я не могу утвердить то, что мне не нравится. Даже с учётом того, что твои вкусовые рецепторы пару лет прожили во Франции, а мои всё это время обитали в России.

В моём понимании у еды, независимо от её состава, есть всего лишь два состояния: вкусно либо невкусно. Остальное – понты и чушь. Марат может считать, что обладает утончённым кулинарным чутьём, но конечный потребитель не он, а гости, имеющие самый банальный запрос. Все они, как и я, хотят, чтобы было вкусно.

– Если на этом пока всё, я пойду к себе, – подытоживаю я, поднимаясь из-за стола. – Как появятся новые идеи – дай знать.

Из кухни я выхожу с предчувствием, что рядом со мной в стену вот-вот влетит сковородка. До недавнего времени у меня не было повода вмешиваться в дела Марата и наше общение ограничивалось лишь обсуждением незначительных вопросов по кухне. Теперь становится ясно, что легко с ним не будет. Но я ведь сюда не друзей заводит пришла, а развивать ресторан. Могут меня даже ненавидеть, главное, чтобы свои обязанности исполняли хорошо.

С такими боевыми мыслями я запираюсь у себя в кабинете и открываю сайт по пошиву спецодежды. Вчера показала Кариму несколько вариантов формы для уборщиц, но он только носом покрутил. Всё ему не нравится. Придётся теперь шить на заказ по новым эскизам. Ну как можно быть настолько дотошным? Это же всего лишь форма для уборщиц, которых толком никто не видит.

Звонок Карима застаёт меня посреди разговора с поставщиками мяса. Секунду смотрю на мигающий номер, гадая, стоит ли мне переключаться, и решаю, что нет, не стоит. Его самооценку уже ничем не пошатнуть, а вот если нам завтра не привезут мяса, то выручке хана.

Условившись о поставке, я ему перезваниваю.

– Трубку не берёшь, – звучит вместо «Здравствуй, Вася». – Был важный звонок?

Ох, как же хочется его побесить. Раньше, если я на его звонок сразу не переключалась, Карим потом допрашивал, с кем это я разговаривала. Я обычно шутила, что с Искиным или Сергеем, одноклассником, к которому он меня особенно ревновал из-за присланной СМС.

– Делала заказ на мясо, – отвечаю, проглатывая рвущуюся фразу о том, что обсуждала будущее свидание. – Это показалось мне важным.

– Хорошо, – произносит Карим после короткой заминки. – Зайди ко мне.

Я нехотя поднимаюсь, злясь, что у него даже мысли нет поинтересоваться, не занята ли я. Сам два дня чёрт знает где пропадал, заезжая в «Роден» максимум на час, а теперь давай беги ко мне, Вася.

Небрежно побарабанив в дверь бывшего кабинета Воронина, я захожу внутрь и тут же забываю о своём раздражении. За два дня здесь всё кардинально изменилось. Стены поменяли цвет на глубокий серый, исчезла старая мебель, и её заменили модный увесистый стол с асимметрично скошенной ножкой и подвесные стеллажи. Старомодное кресло Глеба Андреевича тоже испарилось, и на его месте появилось другое, напоминающее сиденье в гоночной машине. Оно называется «ковш», если мне не изменяет память. Исхаковы увлекались автоспортом, поэтому я знаю. Карим меня как-то прокатил за городом на своём гоночном мицубиси – я думала, богу душу отдам.

– В чём дело? – спрашиваю я, остановившись в дверях.

Карим выглядит недовольным, и почему-то сразу думается, что он злится из-за того, что в тот день я не написала ему СМС, поднявшись домой.

Но всё оказывается куда проще.

– Вася, у тебя официанты курят. Такого быть не должно. Либо пусть с сегодняшнего дня бросают, либо увольняй их.

От расстройства я готова затопать ногами. Ну что они за сучки такие? Из персонала курят только Роза и Вика, и с ними у меня был уговор. Они могут курить за час до начала смены и после её окончания. В течение дня – нет.

– Я разберусь, – обещаю, царапая ладони ногтями в попытке избавиться от нарастающего дискомфорта. Внутри всё кипит. Кто дал им право позорить меня перед Каримом? Ты работаешь, стараешься, чтобы всё было как надо, а кто-то другой в это время подкладывает тебе свинью! – Могу идти?

Карим отрицательно качает головой и указывает на кресло. Я покорно в него сажусь, в то время как перед глазами проносятся картины кровожадной расправы над нарушительницами трудовой дисциплины. Поскорее бы отсюда выйти и устроить им кузькину мать.

– Слушаю вас.

Карим подаётся вперёд, сдвигает брови.

– Что у тебя за проблемы с Маратом?

От неожиданности я даже не сразу нахожусь, что ответить. Он что, сбегал наябедничать? Ах он... Да что за день сегодня такой?

– У меня проблем с Маратом нет, – холодно чеканю я. – Очевидно, они есть у него, но я об этом не знаю.

– Ты управляешь этим рестораном, и тебе положено знать обо всём, что здесь происходит, – безжалостно отрубает Карим. – Разве нет? Марат сказал, что в вопросах кухни ты не объективна и не слышишь никого, кроме себя. Что случилось с тем блюдом, которое вы обсуждали?

У меня даже в ушах начинает звенеть от такого обвинения, и будь моя воля – в эту минуту я бы уже одевала ябеду Марату кастрюлю с том ямом на голову.

– А Марат не сказал тебе, – негодую я, от волнения переходя на «ты», – что пасту, которую он принёс, не стали бы есть даже дворовые собаки? На вкус откровенное дерьмо, и я бы лучше уволилась, чем запустила это в меню.

– Тогда, может быть, стоило дать попробовать кому-то третьему?

– И что изменилось бы в этом случае? Я должна поверить кому-то другому, но не себе? Как ты верно заметил, я управляю этим рестораном.

Лицо Карима становится холодным и отстранённым.

– Мне не нравится, что с косяками твоих сотрудников приходится иметь дело мне. Хороший руководитель такого не допускает.

– Я уже сказала, что с официантками разберусь. У меня была с ними договорённость, которую они нарушили. Признаю, это моя вина. Но с Маратом виноват ты сам.

– Я? – переспрашивает Карим, поднимая брови.

– Да, ты. Ты его выделил на собрании, спросив, откуда он родом, и с тех пор Марат ведёт себя как гусь, которому в зад по случайности попало павлинье перо. Считает себя особенным. Конечно, ему не понравилось, что я зарубила его разработку. Он же твой земляк, а я в его глазах выскочка, которая ничего не понимает в искусстве приготовления пищи! Ты меня спросил, согласна ли я на работу, и я сказала, что согласна. А ты сам-то согласен, чтобы я продолжала работать? Потому что сейчас ты тоже подрываешь мой авторитет. Мне теперь каждый раз бегать к тебе на ковёр, когда кто-то из сотрудников решит понять, какая я нехорошая и как его обижаю?

Я хотела показать Кариму, что могу рассуждать о рабочих вопросах спокойно, но к концу своей тирады всё равно перешла на возмущённый крик. Рубашка становится тесной в груди, щёки пылают. Не могу я спокойно реагировать на несправедливость. Я свою работу делаю хорошо. Марат кто? Шеф-повар, который к тому же получает ещё больше, чем я. Вот пусть и разрабатывает нормальные блюда, а не к Исхакову стучать бегают.

Карим молча наблюдает, как я приглаживаю волосы, которые стали топорщиться от возмущения, и ощупываю воротник рубашки. Если он скажет, что Марат прав, то я уволюсь. Наплевать, что будет нечем платить за квартиру и придётся просить займы у папы... Лучше так, чем терпеть это монголо-татарское иго.

– Можешь возвращаться к работе, Вася, – его голос звучит так, будто он улыбается, хотя улыбки на лице нет. – Как только эскизы по форме будут готовы, сразу перешли мне.

Пробормотав «угу», я выхожу за дверь. Внутри по-прежнему клоочет гнев. Нет, ну как так можно? Они меня все вместе выжить решили?

Розу и Вику я нахожу на кухне. Завидев меня, они начинают демонстрировать исключительную занятость, но это их, разумеется, не спасает.

– Ты уволена, – без прелюдии тычу пальцем в Розу. Она больше всех жеманничала с Каримом, поэтому я выбираю её. – А тебе, – поворачиваюсь к Вике, – моё последнее предупреждение. Почувствую запах сигарет, даже если ты просто мимо курящих проходила, – вылетишь на улицу в ту же минуту.

Эффект от сказанного меня радует. Роза готова расплакаться, а лицо Вики слилось с цветом рубашки. Кстати, отлично, что вокруг столько народу. Чем больше людей узнают, что Вася на деле совсем не милый цветочек, тем лучше. Я скорее всех официантов поувольняю и найму новых, чем ещё хоть раз буду чувствовать себя щенком, нассавшим хозяину в тапки.

На кухню заглядывает тётя Валя, наша уборщица:

– Марат, тебя Карим Полканович зовёт.

Забыв о недавнем гневе, я едва не давлюсь смехом. Она всё никак не может запомнить отчество Карима. Интересно, в глаза она тоже так его называет? Если да, то я хочу хотя бы разочек на это посмотреть.

Про павлинье перо в заднице гуся я, мягко говоря, преуменьшила, потому что теперь Марат выглядит самым настоящим павлином. Приосанился, взгляд сияет. Сам Полканович его к себе позвал.

На кухню он возвращается спустя пару минут, выглядя ошипанной уткой. Ни на кого не глядя, уходит к плите и начинает понуро греметь кастрюлей. Меня же, напротив, распирает от радости и самодовольства. Карим меня услышал. Выбрал не своего ябеду-земляка, а меня.

12

Идея корпоратива возбудила коллектив куда сильнее, чем ожидалось. Оказывается, при правлении Воронина праздники отмечались прямо на рабочем месте, а потому всеобщий выезд за город был воспринят как нечто грандиозное. «Будут и баня, и сауна с бассейном, и кедровая бочка, и катания на квадроциклах и багги, и танцы с приглашенным диджеем», – восторженно обсуждалось в раздевалке. Всех восхитила щедрость Карима. Мол, Воронин, гад, сэкономил на развлечениях, не то что новый владелец, который ещё и красивый к тому же. А бицепсы его видели? И зад что надо. Как всё-таки хорошо, что он купил «Роден», ну и так далее.

Эти разговоры настолько достали, что я совсем расхотела куда-либо ехать. Но это, конечно, было бы непрофессионально, поэтому пришлось. Кстати, на вопрос, подразумевается ли ночёвка, Карим ответил однозначное «нет». Дескать, ни к чему хорошему это не приводит на подобных мероприятиях (это он, наверное, имел в виду, что кто-то с пьяных глаз может проснуться не в той кровати), поэтому, как только веселье подойдёт к концу, специально арендованные микроавтобусы развезут персонал по домам.

Я в общем-то с ним согласна. Один только Толик с его вечно рыщущими глазами чего стоит. На прошлой неделе он Вику домой подвозил, на этой – Саманту, официантку, которую я наняла вместо уволенной Розы. Любовные треугольники

на кухне ни к чему. Была бы моя воля, я бы вообще запретила романы на рабочем месте, но сейчас вроде как демократия в моде.

* * *

– Все отдыхать едут, и только Марат работать, – хихикает Полина, когда шеф-повар протискивается между рядами автобусных кресел с увесистым казаном в руке. – У тебя как с ним сейчас?

Я небрежно пожимаю плечами.

– В душе он, скорее всего, меня ненавидит, но ведёт себя как послушный кастрированный котик. Большого мне и не нужно.

– Твой бывший бойфренд, говорят, его приструнил, – склонившись к моему уху, доверительно шепчет она. Я заранее предупредила Полю, что ни одна живая душа не должна знать, что мы с Исхаковым в прошлом имели что-то общее. – А ещё весь офис обсуждает его задницу. Она, кстати, у него и правда ничего.

– И ты туда же, – буркаю я, отворачиваясь к окну.

Уж лучше бы продолжали считать его мажором и придурком, потому что восхищённые шепотки сильно портят мне настроение. На днях я, например, оштрафовала Свету, бариста, за то, что она обсуждала сходство Карима с её любимым испанским актёром. Правда, в качестве причины озвучила, что кофе у неё говно. Никак не могу избавиться от привычки выцарапывать глаза каждой, кто смеет на него не так посмотреть. Неправильно, знаю. Вчера целых двадцать минут перед зеркалом повторяла фразу: «Исхаков козлина, и я не должна его ревновать», но очевидно, бесполезно.

– А он сам-то, кстати, на корпоративе будет? – с подозрительным безразличием интересуется Полина, чем моментально вызывает во мне приступ раздражения. Вот зачем ей эта информация? Праздник ведь организован для нас, и Карим тут ни при чём.

Ох, надо как-то взять себя в руки, а то это уже больничкой пахнет.

– Сказал, что заедет. Но то, что он так сказал, ничего не значит, чтоб ты понимала. У Карима обычно семь пятниц на неделе. Сегодня одно сказал, завтра другое. Он такой в плане обещаний... Ненадёжный, в общем.

Понятия не имею, для чего я так бессовестно вру. Вернее, имею. Хочу уронить градус всеобщего восхищения Каримом. Ясно, что официантки от него пищат, но Поля, кажется, тоже, а я ведь ей рассказала, какой он козёл.

– Ну ладно. – Полина обнимает меня за плечо и меняет тон на весело-энергичный: – Мы ведь с тобой сегодня выпьем, да? А ещё потанцуем и в кедровой бочке посидим.

Я согласно киваю. И правда, чего я так зациклилась на этих разговорах о Кариме? Впереди целый день отдыха, и я собираюсь его отлично провести.

* * *

– Давайте выпьем за наш клёвый коллектив! – Я воздеваю над головой пузатый бокал с аперолом, чтобы как Данко, вырвавший из груди сердце, осветить коллегам путь к веселью. – Очень рада быть его частью!

После второго выпитого коктейля, виртуозно смешанного барменом Денисом, я полностью вжилась в амплуа тамады. Главное, притормозить с третьим, потому что следом я наверняка замахнусь на роль аниматора, а это уже беда. Вряд ли конкурс «выпей текилу из моего пупка» уместен на корпоративе.

Со мной чокаются все, включая Марата. На один вечер мы решили забыть о разногласиях и просто наслаждаться праздником. Мало того, что «Сабантуй» – гостевой комплекс премиального уровня, так нам для празднования выделили ещё и самый большой дом, к которому примыкает баня с купелью и сауной, а рядом есть теннисный корт.

В воздухе пахнет нагретой хвоей и костром, который Марат разжёт для будущего плова, а сквозь звучащую из колонок музыку пробивается щебетание птиц. Меня вновь качает на волнах ностальгии. Как-то мы были здесь с Каримом и его друзьями. Воздух пах точно так же – ароматным лесом, и народу вокруг тоже было много. Посреди веселья мы с Каримом решили покататься на

квадроцикле, и когда заехали в самую чашу, у нас кончился бензин. Тогда-то и состоялся мой первый секс под открытым небом. Задница потом неделю от комариных укусов чесалась.

– Так, ладно! – Верная роли тамады, я трижды хлопаю в ладоши и поднимаюсь. – Хватит коктейли сосать! Все идём танцевать! А кто не пойдёт, того уволю!

Моя шутка имеет обратный эффект: улыбки вокруг меркнут, а официантка Вика и вовсе смертельно бледнеет, приобретая цвет одноразового стаканчика.

– Шучу же, ну! – поясняю я, для убедительности улыбаясь как можно шире. – Идём!

Похоже, я угадала с диджеем, потому что на импровизированный танцпол выходят все, даже тётя Валя. Один Марат остаётся заниматься пловом. Мне хочется в туалет, но если уйду прямо сейчас, то есть риск, что остальные расползутся по углам как тараканы. А диджей обошёл Кариму недешёво, так что пусть веселятся.

Стоит мне поднять руки и качнуть бёдрами, как перед глазами всплывает новая картина из прошлого: я танцую в клубе у бара, а Карим наблюдает. Он терпеть не мог, когда я танцевала на глазах у других, но самому ему смотреть нравилось. Зная это, я любила его поддразнивать: двигалась нарочито вызывающе и сочиняла новые сексуальные движения, чтобы он наверняка не выдержал и набросился на меня. «По жопе получишь за такие танцы», – ворчал он, тычась в меня своим стояком. Я ему на день рождения даже стриптиз в собственном исполнении подарила.

– Вася! – Полина дёргает меня руку, вытаскивая из сладкого омута воспоминаний.

– Чего? – рявкаю я, недовольная столь резким возвращением в реальность.

– Назад смотри. Полканович всё-таки приехал.

В животе что-то противно сжимается от восторга, когда я вижу Карима, стоящего возле накрытого уличного стола. На нём простые тёмные джинсы и белая футболка, в руке зажата спортивная сумка. Может быть, он даже специально её с собой взял, чтобы бицепс красиво напрягся. С него станется.

Небрежно кивнув ему в знак приветствия, я отворачиваюсь, чтобы продолжить танцевать. Ну пришёл и пришёл. Что мне теперь? Перестать веселиться? Коллектив без правильного примера через час напьётся, и кранты корпоративу.

– А ты та ещё зажигалка, Василина Александровна, – гаркает мне в ухо Полина. – И где только так научилась задом крутить.

– По клубам с моё пошарахайся – ещё не так извиваться начнёшь, – самодовольно фыркаю я, очерчивая бёдрами витиеватую восьмёрку. Разумеется, делаю это не для Карима. Мне вообще плевать, смотрит он или нет. Просто музыка классная.

Полина выкрикивает что-то в ответ, но расслышать не получается, потому что в этот момент между нами втискивается Толик и, дёргаясь как сопля под электрическим током, прилипает ко мне.

– Решил с вами потусоваться, девчонки. А то на работе даже времени нормально пообщаться нет.

Если нормальное общение подразумевает, что он будет биться об меня своими костями, то я категорически против. Обычно с нежелательными прилипалами на танцполе у меня разговор короткий: либо рывкнуть, либо уйти самой, но сейчас я лишь скромно отодвигаюсь назад и продолжаю танцевать. Ибо если Карим всё же смотрит, то это станет для него хорошим напоминанием, что он больше не имеет права мешать мне веселиться так, как мне нравится.

– На работе такая строгая, а сейчас прямо секси, – доверительно сообщает Толик, обгладывая меня глазами.

– Слюни подбери, – ласково выкрикиваю я, обводя талию руками. – Ничего из этого тебе не обломится... – Внезапно музыка обрывается, и моё заключительное

«кобелюга тощий» эхом разносится по лесу под щебетание птиц.

– Друзья, чуть позже танцы возобновятся, – объявляет диджей, выглядя смущённым. – А сейчас всех просят пройти к столу.

Я начинаю изумлённо крутить головой по сторонам, до тех пор пока не ловлю взгляд Карима. Выглядит он недовольным: челюсть напряг, брови слились в монобровь. Ах ты ж... Да это же он попросил музыку выключить!

– Я думала, он либо тебя, либо Толика за шкурку с танцпола вытащит, – восторженно тараторит Полина, вцепившись мне в руку. – Вообще с вас глаз не сводил. Он ревнивый, да?

– Отелло на его фоне похуист. Ревнивый, и ещё какой, – буркаю я, вклиниваясь в толпу, которая после отмены танцев послушно потянулась к столу. Персонал по очереди приветствует Карима, а Юля со Светой и вовсе останавливаются, чтобы о чём-то его расспросить. Улыбаются во весь рот, хихикают как дуры. Бесят.

– А вы пьёте, Карим Талгатович? – подаёт голос Ольга, шеф-кондитер. Мать троих детей и туда же.

– Нет, я за рулём. Но плов Марата с вами обязательно поем и на квадроциклах прокачусь, – улыбается он.

– Ой, и квадроциклы тоже будут? – фальшиво удивляется Юля, как будто не она всю неделю об этом тарыхтела. – Я обожаю на них кататься. В Египте один раз на сафари ездила, мне очень понравилось.

«Ты уж определись: один раз ты прокатилась или обожаешь», – мрачно думаю я, сгребая со стола недопитый апероль.

Карим поясняет, что, после того как мы поедем шашлыки, местные сотрудники подгонят квадроциклы и прокатят всех желающих. Ах, а ещё и шашлыки будут? Ох, как это здорово! А правда, что «Сабантуй» принадлежит его семье? Такое шикарное место! А воздух какой! Чудесный корпоратив, чудесный Карим.

Бесят.

Спустя полчаса приходят два здоровенных мужика с подносами дымящегося шашлыка. Я чуть слюной не захлёбываюсь. Такого мяса, как делают в «Сабантуе», я нигде не пробовала: каждый кусочек во рту тает – настолько сочное. А соус с кинзой вообще сказка!

– Ой, а это что за мясо, Карим Талгатович? – продолжает традицию глупых вопросов Света. – Свинина, да?

– Свинины тут нет. Баранина и телятина.

– Мы, татары, свинину не едим, – веско вставляет Марат, подцепляя баранью корейку. – Грязное животное.

Вот пиздобол. Он это бедное грязное животное при мне раза три хомячил. Снова перед Каримом выслуживается: я типа, как и ты, в исламе, земляк.

– Вась... – Полина наклоняется ко мне в тот самый момент, когда я кусаю мясо. – А у Полкановича обрезанный?

Драгоценные калории едва не летят обратно в тарелку. Нет, ну обязательно нужно было спросить об этом именно сейчас, чтобы перебить членом Карима этот великолепный мясной вкус?

– Обрезанный конечно. С какой целью интересуешься?

– Просто любопытно стало. Я обрезанных ни разу не видела. Он меньше в длину от этого становится, да?

Забыв о шашлыке, я с недоумением смотрю в глаза Полине. Она вроде с образованием, ещё и старше меня, а такую чушь порет.

– Вот есть толстовка с капюшоном, а есть без. У Карима без капюшона. Понятно?

Кивает. Теперь понятно ей. Как этот ресторан вообще до моего появления дожил?

Мясо съедают всё без остатка. Я еле успела кусок баранины себе в тарелку кинуть, как блюдо опустело.

– Если кто-то готов сразу прокатиться на квадроциклах, то пойдёмте, – объявляет Карим, бессовестно забирая у меня роль тамады. – Желающие отдохнуть поедут вторыми.

Света и Юля чуть стулья не роняют – с таким энтузиазмом вскакивают. Квадроциклов приехало всего пять: здоровый рыжий, жёлтый, два синих и один чёрный, зализанный как модный спорткар. Это личный квадроцикл Карима.

Девчонки, повизгивая от восторга, рассаживаются за спинами ожидающих водителей, одного из которых я помню: он нам с Каримом тогда канистру с бензином привёз. Я так-то собиралась первой прокатиться, но какой там – уже все места заняли. Надо взять на заметку, что на корпоративе «Родена» клювом щёлкать не стоит.

– Василина! – окликает меня Карим, когда я, мысленно фыркнув «Не больно-то и хотелось», собираюсь вернуться к столу. – Поедешь? – кивает он себе за спину.

Надо отказаться. Конечно, надо. Во-первых, чтобы стереть эту довольную улыбку с его лица, а во-вторых, это просто плохая идея. Но ноги уже сами несут меня вперёд, а в животе вовсю бушует восторг. Потому что это не Юля, а я обожаю квадроциклы. Когда ветер дует в лицо, изо рта рвётся истеричный смех, а сиденье бьётся об задницу. Ни с чем не сравнимый кайф.

– Надеюсь, в этот раз ты не забыл залить бензин, – снисходительно фыркаю я, забираясь за спину Кариму. – Потому что сегодня тебе точно ничего не перепадёт.

В боковом зеркале я вижу его смеющееся лицо, и сама прячу улыбку. Это сейчас смешно, а тогда посреди чащи – не было. Правда секс, если не считать голодных комаров, был ничего такой. Горячий.

– Держись давай, – командует Карим и предупредительно дёргает ручку газа.

Я обнимаю его и недовольно скриплю зубами: даже чуточку не разжирел. Каждый, блин, кубик на месте.

14

Карим так резко даёт по газам, что мы за каких-то несколько секунд обгоняем тех, кто едет впереди. Моё тщеславие пускается в победный пляс. Во-первых, я люблю побеждать, а во-вторых, пусть козы видят, что новый владелец «Родена» не про их честь. Мне самой Карим тоже без надобности, но эгоизм требует, чтобы он не доставался никому.

Жаль, я не додумалась собрать волосы. От ветра она раздуваются над головой как облако, делая меня похожей на Медузу Горгону. Я ослабляю хватку, собираясь их поправить, но квадроцикл подпрыгивает на кочке, и мне приходится сильнее впиться пальцами в туловище Карима. Вместе с этим подбородок тыкается ему в спину, а в нос проникает запах чистой футболки и концентрированного бергамота.

– Ты нормально там? – выкрикивает Карим, обернувшись.

Вообще-то не очень. Потому что меня вдруг посетило дурацкое желание застыть в таком положении и продолжить его нюхать. Если ненадолго забыть, какой он козлина, его так приятно обнимать. Воздух на скорости ощущается гораздо холоднее, а Карим такой горячий и возбуждающе твёрдый. И пахнет до пронзительности знакомо. Раньше мне нравилось забираться к нему на колени и обниматься. В кольце его мышц чувствуешь себя такой хрупкой Дюймовочкой, даже несмотря на то, что зад у меня скорее как у Фионы.

– Конечно, нормально всё, – выкрикиваю я в ответ, заставляя себя отлипнуть от его спины. – Правда, ты так сильно надушился, что у меня голова кружиться стала.

– Ты поэтому меня нюхаешь?

Я возмущённо бью его кулаком в ребро.

– Размечтался, Исхаков! Это от твоей неуклюжей езды я чуть себе нос об твой позвоночник не сломала.

– А живот мой зачем щупаешь? – смеётся он. – Соскучилась?

Если бы негодованием можно было захлебнуться, меня бы уже хоронили. Он ведь даже мысли не допускает, что кто-то может о нём запросто забыть! Может быть, я и задела пару раз его протеиновые кубики, но это случайно – чтобы из сиденья не вылететь. Сам ведь меня кататься позвал. Я не напрашивалась.

– Могу вообще не держаться, если тебе так спокойнее! – рявкаю я, сдаваясь во власть праведного гнева. И чтобы Карим не думал, что я шучу, убираю ладони с его пресса, над которым он столько пыхтит в спортзале, и расставляю их в стороны. – Была бы моя воля, я бы предпочла тебя больше никогда не видеть.

– Вася, блядь! – выкрикивает Карим, сбрасывая скорость. – Ты чего творишь?! Руки верни на место!

Даже не знаю, почему мне настолько нравится его бесить. Вот слушаю, как он орёт, ловлю его бешеный взгляд в зеркале, и прямо зажмуриться хочется от удовольствия. Как будто ангелы поют и одновременно делают мне массаж ступней. Но Карим прав, конечно. Скорость-то не маленькая, и лучше держаться, а то... А дальше я подумать не успеваю, потому что квадроцикл подпрыгивает на полене, развалившемся посреди тропинки, руки взмывают в воздух, будто пускают волну на футбольном матче, и меня, как выстрелившую петарду, вышвыривает из сиденья.

Всё происходит так быстро, что я даже толком испугаться не успеваю. Всего секунда – и плечо будто облили кипятком, больно затылку, ноет позвоночник, а в задницу, кажется, вонзилась сосновая шишка.

Первая мысль, пришедшая в голову: интересно, я ещё жива? Или боль в копчике – это извращенцы-черти, орудующие кочергой? Вторая мысль: если я жива, то лучше бы мне умереть прямо сейчас, ну или на крайний случай навсегда лишиться памяти, чтобы никогда не вспомнить об этом позоре. Ну почему все самые постыдные вещи происходят со мной в присутствии Карима?

– Вася! – Лицу становится одновременно щекотно и горячо. Это Карим надо мной дышит. – Малыш, ты живая?

Он лихорадочно гладит моё лицо, протискивает руку под затылком, приподнимая голову.

– Вася, ну что ты за дуручка такая... Блядь, ты же убиться могла.

Надо бы открыть глаза, чтобы его успокоить, но как же хочется отсрочить этот момент концентрированного стыда. Вот это самое мучительное: когда хочется выть от боли, но пожаловаться не можешь, потому что сама, курица, виновата.

– Вася... – Карим прикладывает руку к моей груди, очевидно, чтобы прощупать пульс. Вообще-то мог бы и к артерии приложиться... или к запястью.

Тогда я решаю, что пора, и, измученно поморгав, медленно открываю глаза. Карим склонился надо мной, выглядя не на шутку испуганным. Даже побледнел немного. Интересно, это потому что я головой ударилась, он кажется мне таким красивым?

– Где больно, малыш? – спрашивает он, старательно делая вид, что мой тройной тулуп в воздухе его не сильно впечатлил. Голос звучит так ласково и успокаивающе, что мне моментально хочется зареветь.

– А вы кто такой? Какой сегодня год?

– Я тот, кто надаёт тебе по жопе. Я тебя сейчас осторожно подниму, но, если станет больно – сразу скажи.

– Мне уже больно, – бурчу я, поморщившись. – Затылок, спина, плечо и задница трещат.

– Надо в больницу на осмотр ехать. У тебя наверняка сотрясение.

Я с облегчением выдыхаю, когда Карим отрывает меня от земли, потому что в этот самый момент сосновая шишка наконец перестаёт таранить мне задницу.

– Не надо никакой больницы. У меня всё нормально.

Я невольно прикрываю глаза, потому что щека снова соприкасается с его футболкой и становится необъяснимо хорошо. Я так давно ни с кем не обнималась, а Карим так бережно прижимает меня к себе, да ещё так мило испугался... Даже малышом назвал, как раньше. Можно же ненадолго забыть, что он козлина, и просто позволить ему обо мне позаботиться? Так легко тащит меня на себе, как будто я и впрямь Дюймовочка.

– Я тяжёлая, наверное, – фальшиво вздыхаю, обнимая его за шею.

– Пару кило точно прибавила. – Судя по kloкочущей вибрации в его груди, Карим сдерживает смех.

Я тыкаю его локтем и, задрвав подбородок, шутливо хмурюсь. Наши глаза встречаются, и сердце начинает учащённо биться. Так близко его лицо я очень давно не видела. Можно каждую неровность на губах разглядеть и каждую крапинку пробивающейся щетины. Забыв о нытье в позвоночнике, я заворожённо тарашусь на родинку под его скулой.

– Напугала меня, – глухо говорит Карим, уставившись в уголок моего рта. – Что ты за дурочка такая, Вася?

– Просто ты меня обвинил в том, что я скучала, а я по тебе не скучала, – шёпотом отвечаю я.

– Отличные ты предъявила доказательства.

Становится не по себе от его приглушённого голоса, серьёзного взгляда и от того, как заботливо его рука придерживает мой зад, поэтому я снова прикрываю глаза. Впрочем, ненадолго.

– Сесть на него сможешь? – осведомляется Карим, останавливаясь возле квадроцикла.

Я киваю, после чего он осторожно опускает меня на переднее сиденье, а сам садится сзади. Его грудь сливается с моей спиной, дыхание касается шеи. С

мягким рычанием квадроцикл трогается с места.

– Мы можем продолжить кататься, – как можно бодрее предлагаю я, с каждой секундой наполняясь сильнейшим сожалением от необходимости возвращаться назад. – Когда-нибудь мы ведь должны пересечь эту чащу.

– Очевидно, что не сегодня, – отрезает Карим и, надавив на руль, разворачивает квадроцикл в сторону «Сабантуя».

15

– Вот эта форма мне нравится. Только цвет лучше тот, который на первом варианте.

– Да, мне тоже он больше всех понравился, – соглашаюсь я, забирая у Карима эскизы. – Тогда утверждаю и запускаем в работу?

– Да, – утвердительно кивает он и переводит взгляд на свой телефон, пиликнувший звуком входящего сообщения. – Что там по срокам?

– Обещают, что в конце недели будет готова.

Он быстро стучит пальцами по экрану, после чего гасит его и вновь смотрит на меня.

– Так, а по акциям что? Ты обещала список действующих прислать.

– До конца дня сделаю. Я хочу добавить туда те, которые проводились до меня. Например, с устрицами была неплохая. При заказе от десяти штук бокал вина в подарок.

– Тогда жду их тоже. Завтра я буду здесь с утра – обсудим, какие стоит возобновить, а какие убрать.

– Что-нибудь ещё?

Отрицательно мотнув головой, Карим утыкается глазами в свой здоровенный монитор.

– Это всё, Вася. Можешь возвращаться к работе.

Кивнув, я запихиваю под мышку бумаги, недоумеваю, почему от этого ровного и в общем-то продуктивного диалога о работе, посещает странное чувство разочарования. Вроде бы причин для этого нет. Карим не пытался подловить меня на некомпетентности, а даже наоборот, похвалил за качественные эскизы, да и вообще разговаривал как с равной, что при его любви к гендерному доминированию, почти манна небесная... Но я всё равно чувствую себя так, будто над головой сгустились тучи и вот-вот польёт дождь. Может быть, причина кроется в том, что он не пытался шутить и за весь диалог не допустил ни единого намёка на неформальное общение. И это странно, учитывая, что ещё два дня назад он по собственной инициативе катал меня на квадроцикле и назвал ласковым «малыш», перепугавшись, что я раскроила себе череп.

Нет, на рабочем месте я, разумеется, предпочитаю блюсти субординацию и не нуждаюсь в шутках Карима, просто... Не знаю... Мог бы и определиться в стиле общения. А то в один день спрашивает, соскучилась ли я по нему, а в другой – строит из себя неприступного босса.

– Там вместо бакинских томатов узбекские привезли... – догоняет меня взволнованный голос Марины, повара горячего цеха. – Что делать-то?

– У тебя какие-то националистические предрассудки относительно Узбекистана имеются? – рывкаю я, стремительно несясь к своему кабинету. – Если нет, то не отвлекай меня по пустякам.

Захлопнув дверь, плюхаюсь в кресло и таращусь в выключенный экран ноутбука. Ну вот что со мной не так, а? Я же сама его видеть не хотела. Чем меньше мы будем общаться, тем лучше. Он владелец, я управляющая, и все эти затянувшиеся круизы по океану воспоминаний вообще ни к чему. Мама и Мила правы: мне давно пора вступить в ни к чему не обязывающие сексуальные отношения с субъектом противоположного пола. Бешусь я по известной причине. Сегодня у меня овуляция, а секса не было ого-го-го сколько.

Просидев так минут десять, я соскребаю себя с кресла и заставляю пойти на кухню. Хотя я и не имею ничего против солнечного Узбекистана, но с неправильной поставкой помидоров всё же нужно разобраться. А то один раз на тормозах спустишь – начнут картофель вместо батата привозить.

Сделав строгое внушение поставщикам и выклянчив разовую скидку на будущую поставку, я выхожу в зал. Машины Карима на парковке уже нет – очевидно, успел куда-то удрать. И этот факт меня тоже неожиданно раздражает. Раньше я была в курсе его распорядка: куда поехал, с кем встретился и сколько раз в день поел. Было вполне естественно не знать этого, когда мы расстались и перестали видеться, но сейчас... То, что Карим снова появился в моей жизни, провоцирует забытое желание набрать его номер и немедленно вытрясти отчёт обо всех передвижениях. Потому что, хотя мы и порознь, где-то внутри сидит дурацкое убеждение, что я всё ещё имею на это право.

И будто в насмешку моим мыслям в дверях ресторана появляется знакомая тощая фигура. Воздев глаза к потолку, я беззвучно матерюсь. В «Роден» решила наведаться Айгю-юль. Ладно, про тощую я придираюсь: отличная у неё фигура, из тех, что называют модельными. Мне, чтобы занять такую, нужно рот на пару месяцев зашить и желательно даже запахи еды из рациона исключить. Хорошо, что меня мои формы устраивают, а то в пору было бы загрузить.

Её приветствует администратор смены и спрашивает, бронировала ли она стол. Когда слышу ответ, у меня начинают чесаться предплечья. «Стол на Карима» – вот что она сказала.

Пока Таня провожает Айгуль и её не менее тощую подружку за лучший стол у окна, я продолжаю продавливать каблуками дыры в полу в попытке совладать с нервами. То есть они всё-таки встречаются? Вот же козлина. «Хватит визжать, Вася, – приговаривал Карим после моего очередного приступа ревности. – Она просто подруга детства». Ну и кто был прав? Вася, разумеется. В сотый раз убеждаюсь, что расстаться с Каримом было самым правильным решением в моей жизни. Его даваника на небесах, наверное, пир устроила на радостях, что внук себе правильную девушку выбрал. Может быть, всё-таки уволиться, чтобы не видеть, как они тут свидания на моих глазах будут устраивать?

Воображение моментально подбрасывает целый калейдоскоп неприглядных картин. Например, как Айгуль подкидывает в салат свой чёрный волос и, закатив

истерику, требует пригласить управляющего, естественно, для того чтобы отчитать. Уверена, она не преминет наглядно продемонстрировать мне, что теперь встречается с Каримом. Почему я так плохо о ней думаю? Потому что сама наверняка так бы и сделала.

Не уговорив себя подойти поздороваться, я ухожу на кухню и там с психу съедаю огромный милфей. Конечно, мне давно пора задуматься о новых отношениях. Карим вон совсем не скучает, а я чем хуже? Красотой бог не обделил, женственными формами тоже. Касаемо мозгов, моё мнение пока варьируется от ситуации к ситуации.

Спустя полтора часа я выхожу уточнить у старшего бармена по поводу коктейльной карты и вижу, что Айгуль с подружкой уже нет. То есть Карим, получается, не приезжал, а просто стол забронировал на своё имя? А впрочем, что это меняет? То, что он не появился, вовсе не гарантирует отсутствия между ними отношений.

Когда иду обратно в кабинет, звонит мой телефон.

– Слушаю, – грохоча каблуками, я не глядя принимаю вызов.

– Василина, привет! – раздаётся в ответ с энтузиазмом. – Это Алексей. Ещё не забыла такого?

Алексея я помню. Он наш постоянный гость, который с первого дня моей работы в «Родене» клянчил номер телефона, до тех пор пока я не сдалась. Я бы, может, и дольше брыкалась, но Алексей был уж очень обаятельным и симпатичным. Он пригласил меня на свидание, но я по какой-то причине отказалась, а потом уже у него наметилась продолжительная командировка. В какую страну, я, правда, забыла.

– Да, я вас помню. Хотите забронировать у нас стол? – включаю любимый режим дуры, в то время как мозг разрабатывает неожиданный план.

Недаром Алексей позвонил мне именно сейчас. Нужно уметь прислушиваться к подсказкам Вселенной, которая прямо в эту самую секунду заговорщицки

шепчет мне в ухо: «Если пригласит на свидание – соглашайся и заставь Карима локти кусать».

– Хотел спросить, как у тебя сегодня со временем и не хочешь ли ты поужинать. Тебе ведь не запрещено уставом ужинать в других местах?

Я прикрываю глаза в победном «бинго» и жеманно воркую:

– Не запрещено. Поужинать я не против. Можешь забрать меня в половине восьмого.

16

– Привет. – Ослепительно улыбаясь, я дефилирую к припаркованному возле «Родена» тёмно-синему внедорожнику. Настроение боевое. Долго грустить вообще не в моих правилах, а уж тем более по вине Карима и его тощей Айгуль.

Вон как Алексей рад меня видеть: даже вышел попозировать возле капота. За две недели отсутствия его образ стал стираться из моей легкомысленной памяти, но сейчас смотрю, и глаз радуется: а ничего он такой, красавчик. Натуральный блондин, и фигура хорошая. Насчёт кубиков пока непонятно, но рубашка очень неплохо сидит, хотя на мой вкус слишком облегает. Всё-таки прерогатива обтянуться принадлежит нам, женщинам. Мы, в отличие от мужчин, достаточно наблюдательны, чтобы разглядеть все интересующие нас детали без дополнительной помощи. Это им надо всё под нос сунуть.

– Выглядишь отлично. – Алексей кладёт руку мне на талию и целует в щёку так, будто мы расстались вчера и это минимум третье наше свидание.

С другой стороны, такая непринуждённость похвальна. Лучше, чем неловкость.

– Ты давно вернулся? – интересуюсь я, забираясь на пассажирское сиденье.

– Три дня назад. Я собирался сразу тебе позвонить, но дела не позволяли. – Усевшись рядом, мой спутник делает скорбное лицо: – Всем от меня что-то

нужно. То из министерства здравоохранения позвонят, то генеральный директор футбольного клуба попросит родственника на лечение разместить.

– Ты прямо нарасхват, – глубокомысленно замечаю я, думая, что действительно выгляжу отлично, раз Алексей так пытается впечатлить меня своей востребованностью в мире здравоохранения и спорта.

Я вообще-то даже не в курсе, где и кем он работает. Знаю, что он любит перечный стейк и что у него аллергия на сою.

– Есть такое, – соглашается он, направляя машину к выезду с парковки. – Я вчера из спортзала выхожу, мне Девятаев звонит. Типа, Лёх, выручай, тестю обследование срочно нужно... – Очевидно, не дождавшись нужной реакции, Алексей мечет в меня быстрый взгляд: – Девятаев – это тот, который сетью ресторанов владеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/salah_alayna/eks-lyubovniki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)